

Наталья Берзина

Рейд продолжается.

Реликвии древних

Великий Магистр ордена рыцарей Храма, Жак де Моле, отложил перо, поднёс к поближе к свече исписанный лист толстой как пергамент желтоватой бумаги и внимательно прочёл только что законченное письмо. Всё верно, его последнее распоряжение должно быть понято совершенно однозначно. Никаких сомнений не должно вызывать ни единое слово. Давно известно — кто предупреждён, тот вооружён! Вот только об оружии сейчас придётся забыть. Верные люди ему сообщили заранее и теперь необходимо успеть спасти не только сокровища ордена, но и основные силы. Филипп надеется захватить все ценности и тем самым спасти себя от разорения. Что ж, остаётся надеяться на провидение Господнее. Он сделал все, что только возможно, чтобы орден сохранился. Его долг, его предназначение в этом мире можно считать выполненным. То, что ожидает его самого и самых приближённых к верхушке ордена уже не так страшно. Что печалиться если палачи Филиппа станут терзать тело? Оно всего лишь ножны для клинка духа! А душа и самого Жака де Моле и его ближайших братьев давно

принадлежит только Всевышнему и нет над ними никакого земного суда! Его послания уже разлетелись по всем командорствам и замкам. Верные люди сделают всё возможное и невозможное для того чтобы не только Филипп, но сам Климент V не получили ничего или почти ничего. Сейчас и сокровища, и драгоценные книги, и самое ценное, святые реликвии, уже в пути к новым, абсолютно тайным хранилищам, в которых и надлежит им находиться вплоть до назначенного часа.

Чернила уже подсохли, но Великий Магистр всё же не поленился взять в руки песочницу. Негоже отдавать в руки посланца непросохшее письмо. Пусть даже если оно и попадёт в руки врагов ордена, не создаст у них ложного представления, будто Магистр что-то делает в спешке и необдуманно. Свернув бумагу в плотный свиток, Жак де Моле скрепил его главной печатью. Теперь на воске красовался оттиск двух рыцарей на одном коне. Что ж эта печать во многом символична. Бедность и впрямь давно стала отличительной чертой всех братьев ордена. Ничего для себя! Всё для ордена, всё для Храма! Уже два столетия братья свято хранят верность уставу и блюдут все семьдесят два завета его. Их положено знать наизусть, потому, как именно эти заветы устава описывают все, какие только возможно

опасности жизни. Ведь главное не тело, а именно душа, дух рыцаря. Его не сломить и не растоптать.

Колокольчик мелодично пропел и скрытая за тяжёлой портьерой дверь отворилась. В полумраке кабинета бесшумно возникла высокая фигура в белоснежном плаще с алым восьмиконечным крестом на левом плече. Склонённая в почтительном полупоклоне голова коротко стрижена, но длинная борода скрадывала истинный возраст воина.

— Брат Стас, я призвал тебя именно сейчас по двум причинам. Первая — ты самый близкий из всех оставшихся со мной. Это вовсе не значит, что кому-то из братьев я доверяю больше, а кому-то меньше. Просто я исхожу из того, что каждый должен до конца исполнить своё предназначение. Вторая и главная причина состоит именно в том, что ты самый умелый и подготовленный из оставшихся со мной. Я не предлагаю тебе как многим отречься пока не поздно от ордена. Напротив, ты выполнишь, пожалуй, самое ответственное поручение. Отвези это письмо в Магриб. Отыщи Алима шаха Надзира. Он объяснит тебе, что нужно сделать дальше.

— Я должен встретиться с магометанином? — уточнил рыцарь, удивлённый тем, что Магистр назвал его старым полузабытым именем.

— Разве тебя это смущает? — вопросом на

вопрос ответил Магистр.

— Меня настораживает другое. Кто защитит Вас?

— Разве ты не помнишь присяги? Ты рыцарь Храма и не можешь обнажить оружие против христианина!

— Я прошёл слишком многое, чтобы время от времени забывать о некоторых вещах! — с упрямыми нотками в голосе возразил рыцарь.

— Что ж, вижу, сарацинские ассасины заронили в твою душу некоторые сомнения. Тебе придётся долго молиться, чтобы обрести прежнюю крепость веры! — наставительно сказал Жак де Моле.

— Я исполню всё, что скажите, Магистр! — вновь склонил голову рыцарь.

— У меня нет сомнений по поводу твоей верности. Каждый брат должен будет исполнить свой долг до конца. Орден переживает трудные дни. Возможно, не всем удастся спастись. Ты помнишь историю Лангедока?

— Разумеется, Магистр.

— Известно ли тебе, что именно рыцари ордена спасли реликвии? Что именно они стали последними посвящёнными?

— О таких событиях, как правило, не принято много распространяться! — сухо отметил рыцарь.

— Это верно. Так вот, я собственно не об

этом! Тебе надлежит совершить нечто подобное. Ты можешь что-то возразить?

— Магистр, в последний момент я хочу быть рядом с Вами! — твёрдо сказал рыцарь.

— Брат! Ты мне словно сын. И я понимаю твоё стремление. Но долг рыцаря, твоё истинное призвание в служении ордену, а не мне лично!

— Брат Жак, вы понимаете, что Вас и многих других ждут не только ужасные пытки, но и костёр! — воскликнул рыцарь.

— Мой милый брат! Разве стал бы я последним Магистром ордена, если бы не знал твёрдо собственной судьбы? — печально усмехнулся в седую бороду Жак де Моле. — Разумеется, мне всё известно уже давно. Не хочу сказать, что знаю о собственной смерти с первого дня, когда меня избрали Магистром, но всё равно уже почти девятнадцать лет я живу в ожидании чёрного дня. Впрочем, ты сам скоро поймёшь, что значит исполнять свой долг до конца.

— Смертному не полагается знать день и час собственно кончины! — возразил рыцарь.

— Придёт время и ты постигнешь многое. А сейчас ступай. Время не ждёт. На рассвете люди короля уже постучат в ворота Тампля. К тому времени ты уже должен быть далеко. Помни, соглядатаи не дремлют. Будь осторожен.

Магистр обнял рыцаря, крепко прижал к

груди. На миг показалось, что неясное сияние охватило их тела, но возможно это лишь ярче вспыхнули свечи от порыва ветерка ворвавшегося в приоткрытое окно, а может, просто белоснежные плащи оказались чуть ближе к неровному мерцающему свету факела.

Локис остановился на мосту и, поглядывая на старую мельницу, снова развернул письмо. То что оно нашло адресата само по себе удивительно. Варвара Ильинична, бабушка Лизы просто не знала точного адреса. Казимир усмехнулся про себя, ничего странного, сейчас уже почти никто не пишет обычных писем. Проще воспользоваться Интернетом. Письмо, написанное от руки само по себе архаизм, но говоря уже о том, что ещё и почтальон должен как-то добраться до нужного адресата.

«Дорогие мои Лиза и Казимир, пишу вам это письмо, а на душе не спокойно. Два года назад мы перебрались в небольшой городок, в дом мужа. Устали мы подновлять и обихаживать большой дом. А у него здесь и домик поменьше, покрепче и места чудные. Иннокентий Владимирович никак не уймётся и организовал исторический кружок при местной школе. Даже пару книжек написал и городке. Я помогала ему редактировать. Знаете, много открыла для себя нового. Оказалось, что городок далеко не так прост, как кажется на первый

взгляд. Как выяснил Иннокентий, невзирая на то, что в летописях он начал упоминаться только одна тысяча восемьсот восемьдесят шестого года, название скорее относится к более древнему поселению, что находится неподалёку. Более того там расположены развалины древнего храма, которые скорее всего можно датировать веком пятнадцатым если не ранее. Но это пока только предположения Иннокентия. Хотя ему в руки недавно попала одна тетрадь. Скорее всего, это дневник средневекового рыцаря. По крайней мере, я считаю именно так. Я не особо сильна в немецком языке, тем более столь старинном. Языки, как вы понимаете, изменяются достаточно быстро. Так что многого я просто не поняла. Особенно некоторые пассажи, которые я, скорее всего, отнесла с древнефранцузскому. Мой муж, изучая записи, пришёл к интересному выводу, о котором лучше переговорить лично.

Если у вас найдётся время и возможность, я хотела бы вас видеть не позже третьего сентября. Потому как Иннокентий собрался обследовать нижние уровни заброшенных развалин. В помощниках у него, как вы догадываетесь, затруднений нет. Детвора легка на подъём.

Надеюсь, Казимир вы ещё не забыли, как пользоваться верёвками и страховкой? Да и фонари хорошие у нас наврядли продаются. Тем более, что

странные люди появились в городе, за домиком нашим вроде следят.

Любящая вас, Варвара Ильинична».

Казимир уже второй раз перечитывал письмо, первый раз он ознакомился с ним ещё на почте. Попал он туда почти случайно, просто Лиза попросила купить пару журналов, а Казимир как раз собрался в посёлок. Тут-то работница почты и уточнила у него фамилию Лизы. В посёлке никто и не мог предположить, что у его жены была когда-то фамилия Краузе.

Ох, неспроста написала Варвара Ильинична такое письмо. Тут и разбираться особо нечего. Конкретно указана дата. Да и намёков на то что дело запутанное предостаточно. И последние слова о незнакомцах крутящихся вокруг дома настораживали. Казимир задумчиво сложил письмо, запаковал в конверт, сунул во внутренний карман куртки. Порыв пронизывающего, совсем осеннего ветра, пронёсся над тёмной водой омута, закружил вихрем несколько опавших листьев, вспенил струю ниспадающую со старинного мельничного колеса, далеко швырнул тяжёлые, будто свинцовые брызги. Дивно как-то, только ещё вчера на небе сияло неистовое солнце, не дававшее этим летом ни малейшей передышки, а за одну единственную ночь всё затянуло низкими серыми тучами. Вскоре после полуночи хлынул

невиданный ливень, к утру перешедший в надоедливый осенний морозящий дождик.

Как ни отговаривала Лиза, Казимир отправился в посёлок пешком. Хотелось немного собраться с мыслями и покопаться в самом себе. Последние дни что-то уж слишком сумрачно было на душе. Даже с женой едва не поругался, чего ещё ни разу в жизни у них не случилось. Нет, конечно же, они спорили и не раз, в основном по работе, но так вспылить из-за пустяка, из-за того что она отправилась купаться вместе с Анкой не позвав его с собой.

— Локис, ты ведь знаешь, что когда ты работаешь, тебя лучше не отвлекать! — возмутилась дочь.

— А ты вообще помалкивай! Твой Сергунчик снова дома не ночевал! — рявкнул Казимир.

— Не по правилам играешь! — негромко заметила Лиза. — У лейтенанта кроме жены есть ещё и служба. То, что он сегодня ночевал в посёлке совершенно нормально. Дачники разъезжаются, вопросов куча. Вот он и не поехал в фольварок, на ночь глядя.

Казимир, спохватившись, замолчал, но неприятный осадок всё же остался. Нельзя так себя распускать. Разумеется, за последний год много изменилось в округе. И спокойнее стало, и не бегают по лесам стаи одичалых собак, не бродят по

развалинам дворца загадочные пришельцы из прошлого. В этом не только его заслуга. Лейтенант Сергунчик, как-то незаметно ставший не только мужем Анны, но и полноправным членом семьи, оказал неоценимую помощь не только в расследовании, но и в возвращении к нормальной жизни Анны.

Дождь то усиливался, то затихал, но было совершенно ясно, что непогода затянется надолго и до сентября солнца не жди. Впрочем, в природе ничего не происходит случайно. После невероятно жаркого лета, которого даже старожилы не упомнят, стоило ждать не только скорой и влажной осени, но и суровой зимы. Что бы там не говорили о глобальном потеплении, последние зимы почему-то сопровождались давно не виданными морозами, да и снега выпадало столько, что впору говорить о похолодании. Прошедшей зимой дом заметало чуть ли не под самую крышу и Казимиру с Сергунчиком вволю пришлось помахать лопатами, расчищая дорожки и крыльцо. Но в этом тоже можно находить определённую прелесть. Сын Игорь развлекался как мог, рыл настоящие лабиринты в высоченных сугробах, научился бегать на лыжах, словно заправский охотник и вместе с Анной облазил все окрестности. Казимир закончил книгу и с определённой гордостью поставил на полку авторский экземпляр. Лиза освоила азы хуторской

жизни и научилась получать удовольствие от возни с растениями и животными. Конечно же, помощь Сергунчика оказалась неоценимой, непонятно откуда у, в общем-то, городского парня открылась тяга к простой деревенской жизни.

Казимир, миновав старое кладбище, свернул с дороги на неприметную тропинку, решив срезать путь. Промокшая насквозь куртка уже ощутимо оттягивала плечи, да и просто потянуло в тело уют родного дома.

Станислав едва успел увернуться от смертельного удара тяжёлой сабли. Острая сталь со свистом рассекла воздух над головой. Взмахнув коротким мечом-кордом, он едва дотянулся до коленей врага. Кожаные штаны в мгновение ока раскрылись, открылись голые, ничем не защищённые ноги. Как-то удивительно медленно, будто время застыло, прямо перед глазами Станислава по ногам врага пролегла тонкая алая полоска, начала неспешно расходиться, обнажая красные набухшие мышцы, белые тугие жилы, показались розоватые кости и только когда горячая пульсирующая кровь, фонтаном ударила из открытой раны, всё вернулось на свои места. По ушам ударили крики сражающихся, зазвенел, запел песню смерти металл, глухо отозвались обтянутые турьей кожей щиты... Кто-то из старшей дружины отца отшвырнул раненного врага от Станислава и

тут же выгнулся дугой подло пронзённый в незащищённую спину копьём. Мальчик попытался вскочить, но дружинник, падая, сбил его с ног и придавил тяжёлым телом. Чей-то сапог с размаху опустился на голову, свет разом померк. Тяжёлая, почему-то остро пахнувшая кровь, тьма обрушилась на Станислава.

Он пришёл в себя только когда целый ушат холодной воды обрушился на голову. Грубая рука больно рванула волосы, так что хрустнула шея. Сквозь розовую пелену Станислав едва разглядел заросшее дикой бородой лицо, склонившееся над ним.

— Вот ты и заплатишь за всё княжич! — проревел низкий голос.

Вот и разгадка странного на первый взгляд нападения. Теперь понятно кто навёл врагов на ладью отца. Потому и не стал предатель ждать завершения полюдья. Главное для него не добыча, а простая как мычание месть. За изгнание, за проклятие, за то что отец не простил бывшему воеводе предательства, подлого сговора с супостатом. Потому Митяй и вывел ватагу ушкуйников на княжий караван.

Жестокий удар под рёбра и тяжёлый сапог снова взлетел над распростёртым на залитой кровью палубе связанным Станиславом. Юноша невольно сжался в ожидании неминуемой боли.

— Погоди Митяй! — остановил предателя кто-то. — Понимаю, нелюб тебе малец. Но разве такой добычи мы пришли сюда? Разве не ты обещал полные мехи рухляди и груды серебра? Я вижу, не особо ты щадил моих людей, когда вёл их на княжью ладью!

— Я убью выродка! — прорычал Митяй и снова занёс ногу над головой Станислава.

— Я сказал, не смей! За живого княжича можно получить неплохой выкуп. А мёртвого толку чуть. Уймись!

— Не тебе меня учить, Рахим! Я привёл тебя сюда, только я могу и вывести! — напомнил Митяй.

— Ошибаешься! Теперь ты мне не особо нужен. Или ты считаешь, что мои люди не умеют читать засеки?

Митяй на миг оставит княжича схватился за меч, но сухо щёлкнула тугая тетива и белый цветок оперения стрелы задрожал, в незащищённой доспехом шее предателя. Станислав, подтянув ноги к подбородку, попытался сесть. Всё тело ещё мелко дрожало от ярости и гнева. Только теперь, когда ослепление боя отошло назад, он сном заметить некоторые несоответствия в одежде и облике нападавших. И кольчуги у них подлиннее, чем у дружинников отца и тяжёлые елмани немного странные. Немного расширяющиеся к концу, словно расплющенные неумелым кузнецом, но

оттого выглядящие ещё более устрашающе. Да и сами шлемы почему-то обвязаны пёстрыми шарфами. У отца был такой, добытый в дальнем походе к морю. Станислав помнил рассказы об этой войне. Отец вёл свой полк в авангарде, по правую руку от великого князя. Именно тогда он и прославился как великий воин и стратег. Но откуда здесь могли взяться эти люди? Не иначе как Митяй привёл их тайными тропами. Густы леса. Много в них потаенных мест и укрытий. Хоть и далеки пределы княжества, но заставы и заслоны можно обойти если знать как.

— Что княжич? Испугался? Не трись! Твоя жизнь стоит денег! Родичи заплатят за неё хороший бакшиш! — сказал закованный в полный доспех человек, приказавший убить Митяя. Внешне он почти ничем не отличался от остальных воинов, разве что кроме кольчуги на нем ещё был кованый нагрудник с затейливой золотой чеканкой. Железная кованая личина закрывала почти всё лицо и только криво улыбающийся рот, обрамлённый иссиня чёрной бородой, виднелся из-под синеватой стали. Скорее всего его-то и звали странным именем Рахим.

— Мне нечего бояться! Я на своей земле! — гордо заявил Станислав.

— Ошибаешься княжич. Эта земля скоро вернётся в руки султана. Я лично позабочусь об

этом. А ты ... ты если будешь упрямитесь, то станешь одним из многих рабов. В цепи его! — отдал приказ Рахим.

Тропа петляла меж старых сосен, ныряла в заросли маличника, сбегала с пригорков, карабкалась на невысокие холмы, поросшие лесом. Казимир старался уворачиваться от тяжёлых капель, срывавшихся с веток при малейшем движении ветерка, но получалось не очень. Капли норовили попасть за шиворот, пробежать неприятной мокрой дорожкой по спине. Размышляя о странном письме, Казимир краем сознания заметил, что хорошо знакомая тропинка странно вильнула вправо, хотя он точно помнил — здесь в ложбине она всегда шла влево, вдоль небольшого пересыхающего летом ручья.

Непонятный шорох за спиной заставил Казимира насторожиться. Что-то едва слышно шевельнулось слева. Резко обернувшись, Казимир вроде заметил какое-то движение, но, сколько ни всматривался, так ничего не увидел. Пожав плечами, он двинулся дальше, но в изумлении остановился. Тропы не было! Примятая трава, заросли орешника, мокрые листья кустов и больше ничего! Только теперь Казимир заметил, что дождь стих. Тёмно-зелёные, словно и не было знойного лета, листья тяжело свешивались с низко опущенных до самой земли ветвей. Влажная от

недавнего дождя земля тяжело парила, окутывая лёгким туманом подлесок. По какой-то загадочной причуде внезапно стихли птицы. Лес будто насторожился. Вернувшись на несколько шагов назад, Казимир заново оглядел незнакомое место. Странно, он был уверен, что за прошедший год облазил и изучил все окрестности, но это место было абсолютно неизвестным. Решив, что в задумчивости где-то свернул с тропы, Казимир двинулся напрямик, огибая огромные валежины и коряги. Затянутое низкими тучами небо не позволяло ориентироваться достаточно точно, но Казимир доверял чувству пространства, которое, кстати, его ни разу в жизни не подводило.

С каждым шагом путь становился всё труднее. Совершенно непроходимые заросли встречались всё чаще. Чтобы их миновать приходилось забирать то вправо, то влево. Уже более часа Казимир шёл по незнакомой местности, что было уже само по себе не нормально. Лес то представлял собой всего-навсего треугольник со сторонами приблизительно около километра. Никак невозможно идти по нему в течение целого часа, даже если сворачивать через каждые пятьдесят метров! Казимир, разозлённый на собственную бестолковость, ускорил шаг и буквально через десяток шагов вышел к глубокому оврагу, которого стопроцентно не могло быть в этом лесу. Это он

знал совершенно точно! Остановившись в недоумении, Казимир несколько минут смотрел вниз, на теряющуюся в лесном зелёном полумраке глубину. Давящая, вязкая тишина окутывала овраг. Ни одного звука, ни единого шороха, ни потрескивания сухих веток, ни мягких шажков лесных зверьков, ни хлопанья птичьих крыльев. Ничего!

Нервно закурив, Казимир свернул влево и двинулся вдоль обрыва. По стволам сосен, затянутых седым мхом, неторопливо стекали к земле тонкие струйки воды, но с неба не капало и это немного радовало. Не самое приятное занятие идти через лес под непрерывным дождём. Теперь, когда на голову не лило, стоило обдумать, что же, в самом деле, произошло. Не мог же он просто заблудиться! Тем более в хорошо знакомом месте и буквально в двух шагах от дома. Не мог же его и впрямь леший водить. Достаточно того что в доме духи водятся. Всё началось с того что он куда-то свернул не туда. Путь от кладбища до тропинки не мог представлять ни малейшей угрозы. А вот после... В какой момент он оказался не там где должен был? Точно! Поворот у ручья! И шорох! То, что он никого не увидел, ещё ни о чём не говорит. То существо вполне могло видеть его! И воздействовать. Запутать. Ведь именно тогда он потерял тропу и даже не удивился! Его не смутило

то, что вместо знакомой наизусть тропинки он упёрся в непонятные заросли, что петлял как заяц и в итоге оказался вообще неизвестно где.

Когда вдаль стал заметен просвет, Казимир даже не ускорил шаг. Просто отметил про себя, скоро выход из леса. Почему-то он был уверен, что окажется в поле напротив дома. Только и останется, что пересечь его и подняться на крыльцо, обнять жену...

Просторная поляна. Огромная сосна прямо посреди. Там, чуть дальше, крутой глинистый обрыв и река! Именно на этой поляне прошлой весной получил по голове лейтенант Сергунчик. Но ведь эта поляна, эта река, всё это совсем в другой стороне! Чтобы сюда попасть необходимо перейти дорогу! Широкую. Накатанную. Этого ведь не было! Не было? Казимир вдруг начал сомневаться в собственном рассудке. Подойдя к самому обрыву, он долго смотрел на тёмную реку, на дальний берег. Очередная капля стекла по спине. Казимир зябко поёжился. Капли дождя чуть слышно шелестели по опавшей хвое, стучали по обнажённым корням деревьев. Какая-то пичужка просвистела в зарослях у самой воды. Мир вернулся! Наполнился звуками, шумом ветра в кронах деревьев. Снова из ниоткуда возник неумолимый надоевший дождь.

Невольно перекрестившись, Казимир повернул к дороге и спустя десяток минут уже

выбрался на поле. Там за унылой завесой дождя виднелся дом и смутный силуэт Лизы на крыльце.

— Что скажешь? — спросил Казимир.

— По поводу письма или твоего приключения? — уточнила Лиза.

— Для начала объясни мне письмо.

— Прямо скажу. Не знаю. Но раз бабушка так обеспокоена, то необходимо ехать. И не откладывая. Что-то там происходит явно из ряда вон выходящее. И главное, она прямо указала дату. Не позднее третьего сентября! Не могу утверждать со стопроцентной гарантией, но это явно не связано только с началом учебного года!

— Третье это пятница. Скорее всего, неугомонный Иннокентий Владимирович уже запланировал некое предприятие именно на предстоящие выходные. Сегодня двадцать восьмое августа. У нас не так много времени. Необходимо утрясти некоторые дела здесь. Собраться. Продумать всё. Да и вообще... — начал рассуждать вслух Казимир.

— Да ладно! Тебе собраться — только подпоясаться! Будто я тебя не знаю! Ты лучше скажи, Игоря берём с собой или оставим с Анной?

— Смотря насколько поедем и чем будем заниматься. Посмотри в Интернете, что там за город, что за храм. Может там дел всего на полчаса! — задумчиво сказал Казимир.

— Что-то подсказывает мне, что дело там не самое простое. Если бабушка просит о помощи, значит вопрос не детский. Не рассчитывай, что прогулка будет увеселительной! — с уверенностью заявила Лиза.

— Вот ты сама и сняла вопрос о сыне. Анке подкинем, а сами налегке рванём к твоей бабушке! — остановил жену Казимир.

— Теперь можно вернуться к твоему приключению?

— Послушай Лиза, давай забудем об этой ерунде! Считай, что я просто заблудился! Такое с каждым может случиться! — излишне торопливо сказал Казимир.

— Слушай, Локис, а ты чего кипятишься? Подумаешь, велика важность, ну поволил тебя леший по лесу! Что ж теперь совсем говорить об этом нельзя? А как же наш барабашка? Его что тоже не считать реальностью?

— Ты только не рассказывай никому о домовом! Не ровен час за полоумную примут.

— Нет, Локис, ты явно стареть начал! Раньше ты чужой молвы не боялся! Ладно. Я полистаю Интернет, а ты займись ребёнком. Он снова весь день просидел возле печи в своей комнате и общался с Ясиком.

— Хорошо, я разберусь! — нехотя согласился с женой Казимир.

В такой непогожий день из дома и впрямь выходить не хотелось. Очевидно по этой причине сын, так и просидел в своей комнате, выбираясь только перекусить. Там его и нашёл Казимир. Игорь сидел на толстом пушистом ковре и рассматривал старый альбом. Тот самый, в котором сохранились рисунки и акварели бывших владельцев фольварка.

— Не скучаешь? — спросил Казимир, когда сын поднял на него лучистые глаза.

— Нет. Смотри, папа! А вот этого домика мы с Аней так и не нашли!

Взглянув на карандашный рисунок, Казимир спокойно заявил:

— Это вообще не наши места! Видишь, это софора. У нас они только кустарниковые, а тут большие деревья. Этот рисунок выполнен не здесь. Где-то южнее. Да и не дом это вовсе, скорее церковь. Только странная какая-то. Не могу понять. Купол явно византийский, а вот само здание... погоди сынок! Дай, я посмотрю внимательно.

Игорь подал отцу лист с рисунком. Оказалось, он был просто вложен в альбом, а не вклеен как показалось с самого начала. Впрочем, Казимир уже перестал удивляться как исчезновению некоторых вещей, так и появлению новых, ранее не встречавшихся. Сейчас его больше всего заинтриговал сам рисунок. Выполненный на

толстой старинной бумаге даже не рисунок, скорее карандашный набросок влѣк к себе, притягивал внимание, словно наполненный некой магической силой. Композиция, в общем-то, незатейливая. Невысокий холм, акции полукольцом, на вершине не по-русски устремилась ввысь небольшая церковь. Строгая, однонефная, с покрытой луковкой звонницей. Вот только окна непривычно велики. Узкие стрельчатые, но непомерно высокие, они членили фасад, визуальнo превращая его в колоннаду. Да и щипцы по сторонам звонницы напоминали о какой-то другой, до боли знакомой культуре.

— Лиза! — громко позвал жену Казимир.

— Послушай, дорогой! Я только начала скачивать инфу, а ты орѣшь как оглашённый. Что стряслось?

— Вот. Взгляни!

— Ну и что? Обычный костѣл, скорее всего переданный в восемнадцатом веке православной церкви. Что здесь такого?

— Акации!

— Значит не здесь, а значительно южнее. Откуда у тебя этот рисунок?

— Как всегда! Игорь отыскал в старом альбоме.

— Опять? Его же так не было! — тихо воскликнула Лиза.

— Значит появился.

— Так! Начинается. Теперь ещё и это! Как видишь нам не открутиться от поездки. Я тоже кое-что накопала. Идём, покажу!

Станислав так и не свыкся с ролью пленника, дважды пытался бежать, но безуспешно. Ловили, избивали и снова тащили за собой. Несколько раз люди Рахима нападали на небольшие поселения, грабили, убивали, жгли дома, но добыча явно их не устраивала. Разбойники роптали, Рахиму всё труднее было поддерживать порядок и дисциплину. Наконец, после почти месяца непрерывных стычек, отряд повернул на юг. Леса закончились как-то незаметно. Поначалу всё чаще встречались большие поляны, затем лес превратился в небольшие рощи и перелески. Потянулась бескрайняя степь. По-видимому, слухи об отряде Рахима дошли до удельного князя и на третий или четвёртый день пути в степи их настигли русские воины. Бой был короткий, но яростный. Больше половины полегло с обеих сторон. Станислав предпринял последнюю попытку бежать. Рахим, срубив наседавшего на него латника, нагнал княжича и, перебросив его словно куклу поперёк седла, умчался в степь.

Остатки разбитого отряда Рахим собрал только к вечеру. Добычу почти потеряли, осталось лишь только то, что было на заводных лошадях и седельных сумках. Правда именно там и было

самое ценное, но в любом случае озлобленность возрастала. От Рахима требовали смерти Станислава. Разговоры о том, что именно с ним связано невезение в походе и последующее преследование велись уже в открытую. Вожаку пришлось применить силу, чтобы навести относительный порядок. Станислав, воспитанный в духе воинской дисциплины не понимал происходящего. По его мнению, чтобы восстановить справедливость следовала либо наказать зачинщика, либо убить его, ставшего яблоком раздора. Рахим поступил на его взгляд странно. Он не стал никого убивать. Просто изгнал недовольных, оставив при себе Станислава и двоих особо доверенных воинов, Салима и Орда. Княжич давно присматривался к этому молчаливому огромному бородачу. У Орда, единственного из всего отряда, были такие же как у него голубые глаза и, похоже, он лучше всех понимал русский язык, за исключением самого Рахима. Теперь, когда они остались вчетвером с одной стороны путь стал опаснее и одновременно легче и проще. Разумеется, даже небольшой славянский отряд способен легко разгромить троицу усталых, измотанных всадников, с другой стороны теперь, отыскать их с бесконечной степи почти невозможно.

Серебрится под лунным сиянием колышущийся ковыль. Где-то в поросшей раkitами

балке прокричала ночная птица и снова тишина, нарушаемая только неумолчным стрекотом цикад, нависла над ночной степью. Кони ступают осторожно, нащупывая копытами ровные не изрытые сусликами места.

Станислав, смежив глаза, покачивался в седле. За прошедшую неделю он узнал многое, даже то, что Орд ребёнком похищен из христианской семьи и воспитан в магометанской вере. Для него одинаково были близки и поняты, и степи, и горы, и таинственные леса. Разговаривая на привалах со Станиславом, он поведал много нового, ранее неизвестно для юноши. Оказывается то море, до которого добирался в походе отец, вовсе не последнее, за ним лежат многие земли и страны. Там тоже живут люди, так же любят, страдают, воюют с друг другом. Но главное, Орд рассказывал об обычаях разных людей, что населяют дальние, заморские земли. Станислав впитывал его слова словно губка. Понимая, что если и вернётся домой то уже не скоро, юноша настраивал себя на долгую жизнь в других странах. То, что уже, наверное, никогда не удастся свидеться ни с отцом, ни матерью, разумеется, печалило, но таков уж удел воина. Потому он и оказался в том полюдьё, естественно не один, Вавила, подскарбник¹ князя

¹ Подскарбник — ближайший помощник и заместитель

Мирослава, возглавлял поход. Старый воин, Вавила, всю жизнь провёл в походах и сражениях, только в зрелости он занял почётное место подскарбника. Предпосылки к тому были. Не зря ведь учился в Праге и Кракове. Для Станислава он стал едва ли не вторым отцом. Учил многому, в частности другим языкам, по этой причине юноша достаточно свободно владел не только мечом и кинжалом, но легко говорил на французском и немецком языках, изучил геометрию, имел некоторые познания в медицине. Нельзя сказать что, оказавшись во власти чужих ему людей, Станислав смирился с участью, не пытался как-то противостоять давлению, дело было даже не в том, что безоружный он не мог бороться с тремя сильными мужчинами. Рано впитавший в себя дух войны он старался учиться даже сейчас в чужом вынужденном странствии. Оказавшись далеко от привычных лесов, в знойной степи, Стас быстро выучился выживать в таких сложных условиях. Здесь многое было совсем не так как на родине, потому и присматривался, как действуют Рахим и его люди. Приходилось добывать пищу, охотясь на сусликов и птиц. Двигаться предпочитали по ночам

скарбника. Скарбник — лицо, отвечающее за княжий скарб, казну и хозяйственную деятельность.

и ранним утром, отсыпаясь днём в небольших рошицах, укрывшихся по берегам крошечных ручьёв протекающих по дну глубоких и широких балок.

Однажды сухой степной ветер принёс долгожданную прохладу. Далеко впереди сверкнула полоска воды.

— Вот полюбуйся! Информация крайне скудная, но, в тоже время, занимательная. Начнём с того, что городок стоит на водоразделе между Гипанисом и Тирасом!

— На русском нельзя? — буркнул Казимир.

— Извилины напряги! Эти названия упоминал сам Геродот! Вспомни лучше, что находится в самом узком месте водораздела?

— Экзампей! Это даже ребёнок знает! — сохраняя недовольное лицо, ответил Казимир.

— И наш заветный городок! — сияя от удовольствия, заявила Лиза.

— Погоди! Неужели Иннокентий Владимирович отыскал котёл!

— Может не сам котёл, но то что именно в этих местах правил когда-то Ариант, несомненно!

— Постой! В письме говорилось о какой-то тетради, причём на старонемецком и старофранцузском! — попытался остановить жену Казимир.

— Ну что? Вспомни, чем занималось

Анненербе в «Вервольфе!» — упорно стоя на своём, горячо убеждала его Лиза.

— Хорошо, я готов согласиться, но представь размеры котла! Тот же Геродот утверждал, что в него заливали по шестьсот амфор вина! Умножь шестьсот на двадцать! Двенадцать тонн! — воскликнул Казимир.

— Не спеши! Мы не знаем, какими амфорами мерил Геродот! Они ведь разными были. Для зерна действительно почти двадцатилитровые, а для масла — чуть более пяти литров. Если измерять ими, то всего-то около трёх кубометров. Да, согласна не маленькая чаша, но отнюдь не чудовищная!

— Но и её нужно куда-то спрятать! Кроме того я не думаю что такое количество бронзы оказалось не востребуемым. Скорее всего, переплавили котёл опять на наконечники стрел.

— Не уверена! Другое время было. Да и котёл Арианта не просто символ. Не зря ведь его связывают именно с Экзампеем. Как греки называли это место?

— Ты пытаешься поставить меня своими вопросами в тупик? Священный путь, или вернее Священные пути. Что с того?

— Просто это место силы! Всего-навсего! Ты много можешь назвать таких мест? Я знаю не более десятка.

— Милая, само по себе место силы — вопрос весьма спорный. Никто до сих пор не сумел доказать их существования. Физические измерения в предполагаемых точках не дали никаких реальных результатов! — возразил Казимир.

— Я уверена, что они существуют, просто современная наука не в состоянии засечь то, что ощущает человек. Вот ответ мне, наш барабашка существует?

— Спорно, но при определённых обстоятельствах его существование ...

— Не выкручивайся! Ответь прямо, без околонуточной ахиней!

— Что-то есть, — вынужденно согласился Казимир.

— Не что-то, а просто есть! Скажи, откуда взялся этот листок? — продолжала насесть на мужа Лиза.

— Не знаю! Может просто лежал в альбоме. Никто не обращал внимания!

— Я изучила альбом вдоль и поперёк ещё год назад! Когда мы разбирались с приведением во дворец! Его не было! — уже почти кричала Лиза. И с горечью в голосе добавила. — Историю с разлитым маслом никто не отменил! Разве ты всё забыл?

— Нет, дорогая. Просто это было так невероятно. Согласен, что-то слишком запутано.

Давай дальше, что ты ещё выяснила?

— Загадка в самом названии городка. Крыж — как ты понимаешь это крест. Тут и думать не нужно. Во всех славянских языках нет другого значения. Немного меняется произношение, но суть остаётся одна.

— Да и в немецком звучит похоже. Das Kreuz. — Согласился Казимир.

— Правильно. Польша — однозначно полис. Что по-гречески означает город. Верно?

— От этого никуда ни деться. Получается город креста. И какой вывод? Как это связать с Экзампеем?

— На первый взгляд никак. Вот только люди из покон века предпочитают селиться в определённых местах. Порой не самых удобных, но обладающих неким потенциалом. Думается мне, что это именно такой случай. Наш городок привязан к железной дороге. Древнее поселение находится в нескольких километрах. Именно об этом пишет бабушка. У меня такое предчувствие, что изначально городок был заложен прямо на месте легендарного Экзампея!

— Согласен принять только как гипотезу. Но для того чтобы разобраться нужно побывать на месте. Только плясать в таком случае нужно от «Вервольфа.» От их поисков. Насколько мне известно, они достаточно упорно искали и

Экзампей, и котёл Арианта.

— Почему? Ты думаешь спуститься в бункер? Маловероятно. Насколько мне известно, все известные ходы взорваны и завалены вскоре после войны.

— А неизвестные?

— Ты хочешь опять побеспокоить деда Данилу? — уточнила Лиза.

— А почему нет? Он досужий. Наверняка, пытался проникнуть и нет гарантий, что не побывал там.

— Ты не забыл, сколько Даниле лет? Он ведь старик уже!

— А твоему Иннокентию Владимировичу? — возразил Казимир. — Он ведь то же не мальчик. Тем не менее, собрался отыскать котёл Арианта!

Пока родители спорили, доказывали что-то друг другу, Игорь только переводил внимательные серьёзные глаза с отца на мать и обратно.

Они выехали рано утром. Совсем уже осенний туман укутывал придорожный лес. Поднимающееся над горизонтом солнце рисовало загадочные силуэты в молочно-зыбкой дымке. Лиза задумчиво глядела в окно. Теперь, когда позади торопливые сборы, можно сосредоточиться на конечной цели путешествия. Она не сомневалась в том, что загадка котла Арианта вот-вот будет раскрыта и потому нетерпение подгоняло, но что-то всё же

настораживало. Почему тревожные мысли пришли только сейчас? Лиза пыталась разобраться в самой себе. Заново перечитала письмо. Вроде ничего особенного. Да, бабушка просила о помощи, прямо настаивала на скорейшем приезде. Но что может грозить Иннокентию Владимировичу? Не один же он собрался обследовать предполагаемое местонахождения котла. Скорее всего, пригласит школьников. Бабушка беспокоится о безопасности предприятия? Но такие вопросы вполне реально решить на месте, не вызывая так поспешно её с мужем. Значит, вероятно, нужен именно Казимир. Что это может значить? Варвара Ильинична видела его давным-давно. Всего пару дней. Тем не менее, почему-то поверила, в то, что именно он способен оказать реальную помощь.

Казимир приоткрыл окно. Холодный, сырой воздух со свистом ворвался в салон, взъерошил коротко стриженные волосы Лизы. Вместе с ним в автомобиле поселился и гул ветра, и шелест шин, и низкий приглушённый рёв мощного двигателя. Пустынное шоссе стремительно бросалось под колёса. Ключья тумана, пронизанные золотисто-розовым светом зари клубились на взгорках и неторопливо сползали в ложбины, где обретая привычный серо-молочный цвет, цеплялись за придорожные ели и угрюмо грозили летящей по дороге машине. Выскочив на гребень очередной

гряды, Казимир заметил вдали сверкнувшую под солнцем гладь большого озера, окаймлённого тёмным, почти чёрным из-за большого расстояния, лесом. Где-то там, посреди этого озера затаился высокий каменистый остров. Когда-то в старину никому неизвестный в то время князь заложил небольшой замок. Кто мог в то время предположить, что тем самым он закладывает основу будущего могучего государства? Что его потомки станут не просто великими князьями, но и примерят королевскую корону? Всё же, какое удивительное было время! Казимир с некоторой завистью подумал что тогда, в средневековье, жизнь была намного интереснее и увлекательнее чем ныне.

— Что ты сказал? — переспросила Лиза.

— Не понял! — откликнулся Казимир.

— Это я не поняла! Ты сказал: «Дивное было время!» Что это значит?

— Да так! Сорвалось. Просто проезжаем места, где начинал княжить Гедемин. Вот и позавидовал ему.

— Ага! Понимаю! Детство тебя ещё не оставило. Размечтался о средневековье? О юности человечества? Боже! Какой же ты неугомонный! Можно подумать, что тебе не хватает приключений в реальной жизни. Всё продолжаешь придумывать сложности и загадки.

— Да, нет, в общем-то. Просто немного напрягают опасения Варвары Ильиничны. Ну, собрался её муж что-то там покопать. Не один ведь! Что-то её напрягает. Послушай Лиза, а что она всегда была такой скрытной?

— Она вовсе не скрытная, скорее наоборот. Потому и люди к ней тянутся. Ты что-нибудь помнишь о проклятиях и заговорах древности?

— Не думаю, что скифы всерьёз размышляли о будущих поколениях. Да как можно верить в заклатья, проклятия и прочую дребедень?

— Как знать. Просто места силы, как правило, сопряжены с геопатогенными зонами, а там, как ты знаешь, шутки плохи. Вспомни хотя бы Тварь²!

— Тварь — не просто результат проблем с геопатогенкой. Там вещь рукотворная.

— Ты забываешь, что станцию нельзя было строить в этих местах, а всё остальное уже наложилось. Мы же убедились, что места, где встречаются подобные существа, связаны в первую очередь с повышенной радиоактивностью вкупе с другими странностями.

— Ладно, сейчас не об этом. Там ведь может быть то же что-нибудь странное.

— Ты в Интернете что-то накопала? — чуть

² См. Н. Берзина. Проводник.

встревожено спросил Казимир.

— Нет. Совершенно ничего такого. Просто предчувствие странное. Закрой, пожалуйста, окно. Дует.

Казимир оставил лишь небольшую щель и гул ветра притих, перешёл в негромкий свист. Чтобы заполнить невольно возникшую паузу, он включил приёмник. Тихая мелодия заполнила салон. Лиза снова отвернулась к окну и погрузилась в свои невесёлые мысли. То, что буквально часов через десять они будут на месте, радовало, но только отчасти. Проблема в том, что бабушка оставалась верной себе. Сначала заинтриговать, помучить, а лишь затем открыться. Да, разумеется, она все объяснит и чем сможет, поможет, но до этого момента придётся поработать сами и немало. То, что загадок будем много, она не сомневалась. Потому и прокачивала все возможные и невозможные версии. Вот только как ни пыталась Лиза отыскать какую-либо новую зацепку, раз за разом она возвращалась именно к тому месту, где расположен городок. При любом раскладе получалось, что всё в предстоящем деле завязывается как раз на загадочном, так притягивающем во все века людей, водоразделе. Одна только история с горьким источником чего стоит. Ведь если следовать описаниям Геродота где-то там и хранилось священное золото скифов

плуг с ярмом, обоюдоострая секира и чаша. Те самые, которые получили в дар от своего отца Таргитая, а может непосредственно от богов первые цари скифов, братья Липоксай, Арпоксай и Колоксай. Поскольку прикоснуться к священным дарам смог только младший Колоксай, ему и перешла вся власть над скифами. Тогда он поселился на водоразделе и основал государство царских скифов. Не маловажно и то обстоятельство что исток Горькой реки, Экзампеуса как называли его греки, находится в местности с залежами некоторых солей. Именно ими и обусловлен горький вкус воды. По этой причине Лиза и опасалась возможности столкновения с самым невероятным. Судя по картам, радиологический фон там немного повышен, но что называется в пределах нормы. Вопрос лишь в том, какое влияние он оказал на людей и животных за многие века.

Станислав тогда впервые услышал название города. Аккерман. Таких огромных и необычных городов он ещё не встречал в своей жизни. Впрочем, единственный город, который он знал, был его родной. В других побывать ещё не пришлось. Он с удивлением и восторгом смотрел на высоченные каменные стены, на глубокий вырубленный в камне ров. Всё было другим. Никакого частокола, никаких деревянных башен, всё из белого, ноздреватого камня. Только мост,

перекинутый через ров, оказался из толстенных дубовых плах. Стражи у ворот пропустили их небольшой отряд, едва взглянув на золотой знак, что показал Рахим. Чудовищная чёрная нора за воротами и где-то там вдали ослепительный солнечный свет.

Станислав невольно зажмурился, когда они вышли из мрака, а когда снова открыл, оторопел. Каменные дома теснились так плотно, что проходы между ними были невероятно тесны. Казалось, только раскинь руки и сможешь коснуться противоположных стен. Люди в дивных одеждах сновали по узким улочкам занятые своими делами. Кавалькада всадников, яростно орудуя плетью, с трудом пробивалась сквозь людской водоворот. Стоя прямо посреди вымощенной каменными плитами дороги, Станислав, раскрыв от удивления рот, не в силах был двинуться с места. Его толкали, пытались обойти и пока Рахим не дёрнул его грубо за рукав, юноша стоял каменным столбом.

— Пошли! Нас уже ждут.

— Кто? — удивлённо воскликнул зачарованный Станислав.

— Узнаешь. Не отставай! — прорычал Рахим и свернул в узкую дверь.

Станислав шагнул вслед за ним. Небольшой дворик с высоким тенистым деревом посреди, заканчивался ещё одной дверью. Если на улицу не

выходило ни одного окна, то в дворик глядело сразу четыре, причём на удивление большие. Значительно больше, чем Станислав видел на родине. Орд, не отставая ни на шаг, следовал за юношей. Прошли через ещё одну дверь, ещё дворик, то же с деревом посреди. Миновав и его, вышли на другую шумную улицу. Рахим шёл вроде неспешно, но Станиславу всё время приходилось нагонять его. Ничего не поделаешь, юноша постоянно отвлекался, глядел по сторонам и потому Орд частенько подталкивал его в спину. Солнце, донимавшее все семь дней перехода по степи, здесь в городе пекло нестерпимо. Непокрытая голова готова была взорваться. Пить хотелось нестерпимо, а Рахим шёл, не останавливаясь, ловко лавируя в толпе. Его, казалось, жара вообще не брала. Только что не насвистывал от удовольствия. Впрочем, его можно было понять. Он вернулся из похода, с добычей, пусть и небольшой. Вот только что судьба уготовила Станиславу, оставалось загадкой.

Улица закончилась неожиданно. Справа вдруг выросла непомерной высоты стена. Прошли не более двух десятков шагов и остановились перед распахнутыми воротами. Здесь уже стражей оказалось не двое как у рва, а полдюжины. Дорогу преградили всерьёз, готовые убить любого, кто сделает хотя бы шаг. Рахим снова выудил из-за пазухи золотую пластину на прочной цепочке.

Старший страж внимательно оглядел её, что-то сказал стоящему рядом воину и учтиво поприветствовал Рахима. Казалось, они пройдут внутрь, но, как ни странно, страж хоть и шагнул в сторону, но в раззявленную пасть ворот не пустил, разве что позволил укрыться от неистового солнца под нависающим над воротами козырьком. Страж говорил с Рахимом на каком-то незнакомом языке и Станислав не понял ни слова. Но судя по спокойным умиротворённым лицам, можно было предположить, что беседовали они о погоде, о видах на урожай, семейных делах. Станислав не заметил, как и куда исчез посыльный, но появился он шумно. Издали послышалось звяканье металла и, из темноты провала ворот возникла фигура запыхавшего стражника. Остановившись в шаге от начальника стражи, он поклонился, Не поднимая головы что-то негромко, но чётко произнёс. Глава стражников ещё раз улыбнулся Рахиму и жестом указал на проход. Рахим с вежливым поклоном распрощался со стражем и кивнул своим спутникам.

Видимо дорога была хорошо ему знакома. Шёл Рахим быстро, на ходу приветствуя кого-то, кивая, помахивая рукой. Здесь уже не было города, военный лагерь, да и только. Приземистые длинные жилища. Множество вооружённых людей и характерный запах кожи, железа и жареного мяса.

Всё свидетельствовало о том, что тут располагается гарнизон крепости. Но не это поразило Станислава, над необъятным двором, густо уставленным жилищами воинов возвышался неприступный замок! Исполинские башни соединённые невероятными стенами подавляли, угрожающе нависали над невысокими постройками, исчезающе крошечными в сравнении с цитаделью.

Рахим свернул в неприметный проход, укрытый плотной завесой ползущих прямо по стене растений. Тень, падающая от широких разлапистых листьев, создавала приятный зелёный полумрак. Идти здесь оказалось намного приятнее, чем по выжженной солнцем улице. Жаль что недолго. Снова вышли на солнцепёк. Теперь уже на площадь. Солидный дом, совершенно не похожий на другие стоял напротив прохода. К нему и направился Рахим. Белоснежные ступени вели к высокой окованной полосами железа и старой бронзы двери. Ни стражей, ни охраны на ступенях не было. Рахим поднялся к двери и, взявшись за до блеска натёртое бронзовое кольцо, решительно постучал. Некоторое время ничего не происходило, но вот дверь без малейшего скрипа приоткрылась, ровно настолько чтобы можно было войти по одному, вслед друг за другом.

Полумрак, странный, но приятный запах и негромкая медленная музыка заполняли небольшой

зал. Станислав с любопытством оглянулся. Вдоль стен застыли закованные в железо воины. Юноша невольно напрягся, готовясь к последнему в его жизни бою.

Вечерело. Закатное солнце слепило глаза. Лиза морщилась, смешно подёргивая носом.

— Тормозни. С тебя смену, — предложил Казимир.

— Тут осталось совсем немного! — возразила Лиза, но всё же включила сигнал поворота.

В таких ситуациях с мужем лучше не спорить. Да и устала она. Как-никак три с лишним часа по не самой лучшей дороге. Ещё это низкое солнце слепит глаза.

— Не обижайся. Нам ещё пару часов пилить, а дорога становится с каждым километром всё хуже. К тому же когда будем подъезжать, мне понадобится грамотный штурман, — будто извиняясь, сказал Казимир.

— Я всё понимаю. Ты хоть немного отдохнул? — спросила Лиза.

— Да, спасибо. Даже поспал минут тридцать.

— Не понимаю, как ты ухитряешься спать в любых условиях? — уже в который раз удивлённо спросила Лиза.

— Женщина! Не смейся меня! Мы сколько лет уже вместе? — рассмеялся Казимир. — Хватит зубы заговаривать. Остановивайся!

Сменив жену за рулём, Казимир уверенно рванул с места, прогрохотав гравием обочины, выскочил на разбитое шоссе. Перелески сменялись холмистыми полями, дорога то ныряла в глубокие балки, то взбиралась на высокие холмы, но в целом Казимира не оставляло ощущение, что он движется по какой-то возвышенности, причём прямо по самому гребню.

Городок возник как-то неожиданно. Вот только что тянулась лесопосадка, а тут уже сады, чуть поодаль приземистые, ничуть не изменившиеся за долгие века, беленькие мазанки. Вот уже появились и многоэтажки. Шоссе вильнуло и, перевалив через железнодорожный переезд, вывела к вполне современному вокзалу. Неподадёку высилось здание старинной водонапорной башни. Что-то странное почудилось в её облике, но Казимир слишком устал, чтобы сейчас думать об этом.

— Дальше куда? — спросил он.

— Мы очень удачно выехали. Вдоль железки метров пятьсот и налево до перекрёстка. Там мы должны увидеть дом под синей крышей.

— Понял. Поехали.

Домик Варвары Ильиничны оказался совсем невелик. Почти полностью укрытый среди деревьев роскошного, даже по местным меркам, сада. Лиза, выпорхнув из машины, бросилась к распахнутой

калитке. Навстречу ей уже спешила вполне пожилая, но вполне бодрая женщина. Если бы не явная тревога, прямо написанная на её лице, то возраст с первого взгляда определить вообще было невозможно.

— Здравствуй, бабуля! — воскликнула Лиза и вдруг замерла на месте. — Что случилось?

— С приездом милая. Ничего не случилось, просто что-то Ипполит запаздывает. Должен был вернуться к ужину, а все нет и нет. Здравствуй Казимир. А всё ещё молодцом держишься! Выглядишь ничуть не старше моей егозы! — стараясь не выдавать беспокойства о муже, сказала Варвара Ильинична. — Машину можете во двор загнать. И проходите в дом. Намаялись, по-видимому, с дороги.

Как ни пыталась Лиза выяснить, куда направился Ипполит Владимирович, бабушка упорно уходила от ответа. Усадила за стол и пока не накормила, пока не подала крепкий ароматный чай, сама не присела, не начала отвечать на заданные внучкой вопросы.

— Поехал он сегодня спозаранку посмотреть одно место. Говорил, что важно кое-что проверить перед встречей с вам. Там речушка есть одна. Так вот она начало своё в пещере берёт. Плохая речка. Горькая вода в ней. Поговаривают, что рудники там когда-то были, но не думаю, нечего там добывать.

Тем не менее, катакомбы имеются. Не знаю насколько протяжённые, сама не была, но детвора лазит там частенько. Что только не делали, и входы замуровывали, и взрывать пытались, но разве мальчишек остановишь! Так вот Ипполит хотел что-то там посмотреть. Что именно не сказал. Последнее время он вообще скрытным стал. Всё вас, Казимир, ждал. Непокойно мне. Только беда в том, что я даже не представляю толком, куда он направился.

— Вы сказали он поехал. На чем? — уточнил Казимир.

— Так ведь на велосипеде! Там дороги нет. Только тропинки.

— Бабуль, а зачем мы ему понадобились? — спросила Лиза.

— Для осуществления экспедиции. Я ведь писала вам. Нам в руки попала тетрадь. Вернее, можно сказать рукописная книга. По сути это дневник средневекового рыцаря. Я не слишком хорошо владею немецким языком, в особенности старым. Больше французским. Но старофранцузский, как ты понимаешь, для меня просто загадка. Это скорее даже не совсем французский, а так называемая вульгарная латынь. Впрочем, сейчас я покажу.

Когда Варвара Ильинична вышла из комнаты, Казимир выразительно посмотрел на жену. Лиза

только развела руками.

— Я даже предположить не могла, что речь пойдёт о средневековье. Сам посуди, откуда рыцарю взяться здесь. Наши предки их не особо жаловали!

— Плохо историю знаешь! Я говорю не об официальной, а о реальной. Взаимопроникновение культур, экономические, родственные связи. Система вассалитета, наконец. Не всё так было просто и однозначно. Здесь же не существовало централизованной власти. Каждый вправе был выбрать себе сюзерена, заключить с ним коммандации и исполнять свой долг согласно договора, до тех пор, пока не закончится срок его действия. Так что не удивительно, что некому князю вполне мог служить иноземец. Кстати, ты случайно не обнаружила интернете что-нибудь о катакомбах?

— Нет. Ни единого слова. Знаешь, меня это немного удивляет. Может, в самом деле, стоит обратиться к Даниле? — спросила Лиза.

— Успеем. Раз уж сразу не заехали к нему, теперь не к спеху. Нужно дождаться Ипполита Владимировича и решать вместе с ним. Тем более мы сами ещё не были на месте и ничего не знаем об этих подземельях.

— Секретничаете? — спросила, входя в комнату Варвара Ильинична. — Вот взгляните, это

и есть дневник рыцаря!

Время было уже за полночь, а Иннокентий Владимирович всё не появлялся. Варвара Ильинична не находила себе места, но старалась не подавать вида. Казимир старался, чем только возможно, успокоить её, отвлечь, рассказывал о сыне, о доме который уже обжили за год, об увлекательной истории связанной с ним и прежними хозяевами, даже о загадочном домовом с которым вполне успешно общается Игорь.

Чтобы хоть чем-то занять себя Лиза принялась листать пожелтевшие страницы. Если в самом начале шёл вполне читаемый текст, пусть и написанный с затейливыми завитками. Дальше пошло сложнее. Большие куски не то на старофранцузском, не то на вульгарной латыни. Лиза не вчитываясь, неторопливо листала толстую тетрадь в порыжелом кожаном переплёте. Встречались большие куски, которые стоило изучить внимательно, где-то можно было просто просмотреть. Автор явно был наблюдательным человеком, потому, наверное, он и уделял столько внимания описанию разных городов, местечек и как ни странно природы. Если бы эту тетрадь полностью перевести, то, скорее всего, могла получиться достаточно занимательная книга. Разве что литературный язык показался Лизе несколько непривычным, но это можно что называется

причесать. Но вот что её поразило, так это то, что ближе к концу текст стал явно зашифрованным. Буквы были странными, непонятными, вообще не похожими на буквы. Скорее уж схожи с арабской вязью. И хотя читать с конца Лиза не привыкла, последний абзац она невольно прочла внимательно.

«Теперь, исполнив свой долг, я остаюсь охранять реликвии. Верю в то, что Господь смилуется над нами и позволит возродить орден. Проклятия Магистра уже свершилось, теперь осталось лишь дожидаться возрождения Ордена. Надеюсь, что это произойдёт ещё при моей жизни, хотя понимаю, срок мой уже отмерян. С другой стороны утешают родные места. Всю жизнь я провёл в боях и скитаниях и теперь на склоне лет оказался здесь, пусть и в ином обличье. Я последнее время часто вспоминаю свою первую встречу с магистром. Не заметь он тогда крест, жизнь моя могла повернуться совсем иначе. Чтобы не случилось со мной, я по-прежнему благодарен монсеньёру Жаку за проявленное ко мне сострадание и сочувствие. Только благодаря нему, я обрёл достойное имя и положение. Всё чему я научился в земной жизни, всё чего достиг, обязан только ему. Он всегда доверял мне. Даже уходя из брэнного мира. Не потому ли поручил мне сохранить Чашу. Что ж, я выполнил последнюю волю Магистра. Теперь, когда святые реликвии

надёжно сокрыты и как никогда ранее близки к Богу, совесть моя спокойна. Только я знаю, что все реликвии соединились. Молю Господа, чтобы монсеньёр с небес узнал об этом. Хвала Всевышнему!» Дальше шло несколько слов незнакомыми буквами. Лиза положила тетрадь на колени. Глаза устали. Неяркий свет. Выцветшие чернила и тёмная жёлтая бумага давали о себе знать. Взглянув на часы, женщина невольно ойкнула. Надо же, половина третьего! Засиделись они сегодня. А Ипполит Владимирович так и не объявился!

— Ступайте вы детки отдыхать. Ночь на дворе. Утро вечера мудренее. А что до Ипполита то не тревожьтесь вы так. Не первый раз он в своих поисках ночует где придётся. У него ведь всё с собой и спальник, и котелок, и продуктов немного. Предусмотрительный он у меня! — заявила Варвара Ильинична. — Пошли, я вам комнату загодя приготовила.

Уже лёжа в постели, Казимир спросил жену о тетради.

— Похоже дневник. Но я только просмотрела, не вчитывалась. Много приятных описаний природы. Совсем мало действий. Язык недурственный. Читается, конечно, трудно. Старинный язык. Трудно переводимые обороты. После сам посмотришь. Да, чуть не забыла, автор

легко переходит с немецкого на французский и наоборот. В нескольких местах вообще, как мне показалось, арабская вязь. Локис, ты меня слышишь?

Но муж уже мирно посапывал. Вздохнув, Лиза прижалась к тёплому боку и задремала.

Высокий мужчина в белом плаще с вышитым шёлком красным крестом на левом плече появился в зале быстро и бесшумно, словно приведение.

— Салям, Рахим! — приветствовал он гостя.

— Вуалейкум ассалям! — с поклоном ответил Рахим и низко поклонился.

Станислав только с удивлением смотрел на разворачивающуюся перед ним сцену. Приверженец ислама, всякий раз на стоянках исправно творивший намаз, Рахим столь явно выражал не просто уважение хозяину дома, он откровенно считал крестоносца намного выше себя по рангу. Даже само по себе присутствие не просто христианина, а рыцаря-крестоносца в мусульманском городе было, по меньшей мере, странным.

— Лёгко ли был твой путь, воин? — низким, глубоким голосом спросил крестоносец.

— Спасибо, командор. Всё обошлось. Не обошлось без некоторых потерь. Не всякий способен исполнить предназначение. Но я вас я привёз всё что обещал. Готов хоть сейчас изложить

всё на карте, — снова поклонившись, сказал Рахим.

— Это все кто пришёл с тобой из похода? — спросил рыцарь, окинув взглядом стоящих за спиной Рахима людей.

— Вы как всегда правы, командор. Остальные пожелали большей добычи и ушли.

— Что ж. Это их право. Я не помню этого юношу. Кто ты? — спросил рыцарь.

Станислав растерянно заморгал, но не промолвил ни слова. Рахим зло сверкнул глазами и прошипел:

— Отвечай!

— Станислав! Старший сын Константина — Мирослава князя Лельчического! Захвачен в полон разбойником Рахим во время полюдья. Мои люди погибли в неравном бою! — с вызовом заявил Станислав.

— Что за имя такое? Разве ты не крещён? — не выражая никаких эмоций, равнодушно спросил рыцарь.

— Крещён Иохимом, но имя это не моё! Дома меня Станиславом звали! Сыном Мирослава! — зло ответил юноша.

— Значит Иохим? Что ж, славное имя. Ты я вижу, ещё молод и потому горяч. У меня к тебе предложение. Иди ко мне на службу. Если согласен, я договорюсь с Рахимом.

— Я не раб! Меня учили лучшие ратники не

для того, чтобы я пресмыкался перед неизвестно кем! — агрессивно выкрикнул Станислав.

— Ты молод и, как мне кажется, способен учиться. Мне нужен не раб или слуга. Я ищу ученика и помощника. Соглашайся. Иначе Рахим и впрямь тебя продаст на невольничьем рынке. — Пожал плечами рыцарь.

Станислав растерялся. Это было именно то предложение, от которого просто невозможно отказываться.

— Я согласен! — угрюмо выдавил из себя юноша.

— Отлично! Рахим, пойдём в кабинет, твоим людям и моему помощнику Йохиму сейчас предложат еду и напитки.

Едва рыцарь с Рахимом скрылись за портьерой, в зале появился человек, явно местный, чернявый, невысокий с мелкими лисьими чертами лица. Не говоря ни слова, он с поклоном пригласил пройти за ним. За высокой дверью, скрытой тяжёлым ковром оказалась довольно просторная комната, по-видимому, служащая кухней и одновременно столовой. Здесь царил приятный полумрак. Небольшое окно высоко под потолком сквозь цветные стёкла давало не слишком много света. Широкий чисто выструганный стол из светлого дерева занимал едва ли не четверть помещения. Вдоль длинных сторон стола тянулись

лавки. Орд, уже освоившийся, уверенно плюхнулся на лавку прямо посреди стола и водрузил сжатые кулаки на столешницу. Рядом с ним опустился его напарник Али. Словно протестуя против всего на свете Станислав сел напротив. Слуга принёс кувшин холодной воды, лепёшки, жареную рыбу и отварное мясо.

К еде приступили, только вдоволь напившись. Теперь, когда за плечами долгий трудный переход, Станислав ощутил всю усталость, накопившуюся за долгие дни и ночи пути. Когда трапеза закончилась, и Орд сыто рыгнул, юноша почувствовал непреодолимое желание уснуть. Не обращая ни на кого внимания, он свернулся на широкой лавке и, уронив голову на руки, быстро уснул.

Он не слышал, как вошёл тот самый незнакомый крестоносец, как постоял рядом, глядя на него, как усмехнувшись, вышел из столовой. Люди Рахима уже давно ушли вместе со своим главарём, а Станислав по-прежнему так и спал, только к вечеру вернулся невысокий чернявый слуга и, довольно грубо растолкав юношу, позвал за собой.

В конце узкого похода виднелась лестница. Мерцающий свет лампадки тускло освещал выщербленные каменные ступени, круто уходящие вверх и исчезающие за поворотом. Цепляя стену плечом Станислав начал подниматься наверх, не

понимая, зачем его вызвали.

Сон тяжёлый, сумбурный, тревожный не принёс отдохновения Лизе. Какой-то мужчина бежал по густому тёмному лесу. Низко нависающие ветви деревьев хлестали его по лицу. Изорванная в клочья одежда болталась на нём как на пугале. Запёкшаяся кровь на щеке темнела коричневой коркой. Пара свежих, сочащихся алым, царапин пересекала высокий лоб. Спутанные, слипшиеся от пота светло русые волосы то и дело падали на глаза. Мужчина то и дело нервно отбрасывал их назад и тогда на миг открывали миру его удивительные глаза, неповторимого василькового цвета, столь небывалого и редкого особенно для мужчины. Широко раскрытый пересохший рот. Сгоревшие дочерна от внутреннего жара губы и сбивающееся, затруднённое дыхание, дополняли картину. Откуда бежал человек, от кого, Лиза не знала. Ясно было лишь одно, чтобы спастись или спасти, он должен успеть. Вот нога в разбитом сапоге зацепилась за выступающий из жирного зелёного мха, толстый корявый корень. Мужчина потерял равновесие, рухнул лицом вниз. Несколько мгновений лежал неподвижно. Медленно, с видимым трудом опёрся на руки, преодолевая себя, оторвал непослушное тело от влекущей лесной постели, упрямо мотнул головой, подобрался, пошатываясь, начал вставать... Буквально на расстоянии вытянутой

руки уже собралась в тугой зигзаг огромная змея... Характерный изломанный рисунок на спине не оставлял сомнений в её опасности. Тем более, сжавшийся для удара гад, уже прицеливался для прыжка. Мужчина замер в нелепой позе, но лишь затем чтобы не упустить того самого последнего момента. Упругая живая молния метнулась со скоростью стрелы прямо в лицо. Неуловимое смазанное движение... Выставленные вперёд крючкоподобные зубы с желтоватыми каплями яда замерли всего в вершке от лица мужчины. Вот только сил на то чтобы привычно переломить в пальцах хребет уже не осталось. Отшвырнув подальше опасную гадину, мужчина шагнул вперёд, но головокружение или просто слабость заставили его опереться на ствол могучей сосны.

Сиплое, горячее дыхание постепенно выравнивалось. Переведя дух, мужчина со стоном оторвал руку от шершавой коры, сделал шаг, другой и, наклонившись вперёд, снова побежал. Сначала медленно, но с каждым шагом всё быстрее и быстрее.

Темный угрюмый лес никак не заканчивается. Только мха стало меньше. Под дырявыми истрёпанными сапогами перестало чавкать. Всё чаще стали встречаться пригорки и небольшие полянки, но их мужчина старался огибать. Что служило тому причиной оставалось неясным, но

дело обстояло именно так. Может и лес не был столь суров и неприветлив, просто мужчина старался бежать по самым трудно доступным и неприметным местам. Более того, он как мог пытался не оставлять слишком явных следов своего пребывания здесь. Только добравшись до реки, мужчина осторожно спустился к воде и, укрывшись в невысоких кустах, замер, напряжённо вглядываясь вдаль. До живительной влаги всего-то пара шагов, да вот только по какой-то загадочной причине, человек уже в который раз провёл пересохшим шершавым языком по растрескавшимся губам, но даже не сделал попытки зачерпнуть пригоршню воды. Стон сорвался с пересохших губ.

— Лиза, тебе плохо? Ты горишь вся!

Голос мужа доносился откуда-то издалека, словно через вату.

— Господи ты мой! Да проснись же ты, наконец! — Казимир тряс сонную жену как грушу.

— Пить! — с трудом разомкнув спёкшиеся губы, попросила Лиза.

— Сейчас, погоди минуту. — Казимир стремглав выскочил из спальни и спустя минуту вернулся с полной кружкой холодной ключевой воды. — Вот милая, попей!

Лиза с жадностью выпила почти полную кружку.

— Спасибо! Мне сон какой-то странный приснился. Мужчина через лес бежал. Столкнулся со змеей. Гадюкой. Скрывался. Непонятный сон.

— Успокойся Лизонька. Мало ли что может присниться с усталости. Хотя, с другой стороны, спать ты должна была без задних ног. Я когда за водой бегал, заметил, что бабушка твоя не спит. Свет из её спальни пробивался. Волнуется! — сказал Казимир, обнимая жену за плечи.

— А который час? — спросила Лиза. Сквозь плотные, едва проницаемые, шторы смутно пробивался свет.

— Без четверти шесть. Можешь ещё немного поспать.

— Нет, давай что-нибудь придумаем на завтрак и займёмся делом. Меня беспокоит отсутствие Ипполита Владимировича.

— Полностью с тобой согласен. Перекусим и отправимся на поиски. Карта у меня достаточно подробная, перед отъездом скачал с Интернета. Плохо только что придётся пешком. Дороги там нет. Готова? — спросил Казимир.

— Как пионер Петя! — отозвалась Лиза. — Встаём. Знаешь меня, почему-то не отпускает сон. Ты не думаешь что это какой-то ключ?

— Что именно? Беглец? Змея? Или то, что мужчина скрывался? Думать нужно!

— Вот и думай! Я встаю! — заявила Лиза.

— Уговорила! Я готовлю завтрак, а ты пока умывайся и собирайся в путь, — сказал Казимир и, натянув брюки, вышел из спальни.

Кофе уже поднимался к краю джезвы, когда в кухню вошла Варвара Ильинична.

— Уже хлопчешь? — спросила женщина. Казимир, оглянувшись, увидел огромные заплаканные глаза и с сожалением признал, что не стоило поддаваться искушению отдохнуть, нужно было эту ночь просидеть с расстроенной женщиной. Отоспаться можно будет и после.

— Вам кофе чёрный или с молоком? — преодолевая неловкость, спросил он.

— Со сливками. Чёрный стараюсь не пить. Возраст. А впрочем, живём один раз! Вари чёрный и покрепче! — вдруг заявила Варвара Ильинична.

— Вы не спали всю ночь? — поинтересовался Казимир.

— Тревожно мне. Хоть и не впервой он так пропадает, но всё равно не спокойно на душе. Не мальчик ведь. Должен понимать, что я за него беспокоюсь! — в сердцах воскликнула Варвара Ильинична и уже спокойнее добавила. — Телефон он снова разбил. Новый не успел купить. Так что теперь ищи его как пресловутую иголку.

— Варвара Ильинична, а вы вчера говорили, что Ипполит Владимирович отправился к истоку. Что там за пещеры? Он мог туда проникнуть?

— Возможно. Верёвки, фонари и прочее у него с собой. Так что искать нужно в первую очередь велосипед, а уж после в округе и его. Там обрывы. Вполне мог сорваться.

— Лучше не думать о плохом! — постарался успокоить женщину Казимир, но сам не отрицал такой возможности. Что такое скалы он знал не понаслышке.

Они ушли сразу после завтрака, прихватив с собой пару кусков альпинистской верёвки и мощные фонари. Благо городок был невелик и буквально через десять минут последние дома остались за спиной. Тропа уходила в гору, не слишком высокую, не слишком крутую, так скорее, на первый взгляд, пологий холм. Но прошло уже более получаса, а вершина выглядела так, словно они топтались на месте. Только спустя ещё час они достигли куполообразной вершины. Далее потянулся такой же пологий и неторопливый спуск. Кое-где на тропинке, там где белел мельчайший, больше похожий на пыль песок, ещё можно было разглядеть неясные следы велосипедных шин. Казимир обнадёживал жену, что как только они отыщут велосипед, дальше всё пойдёт как по маслу.

— Локис, ты мне зубы не заговаривай! Сам ведь в это не веришь! Не рассчитываешь ли ты, что к велосипеду будет привязана верёвочка, которая как нить Ариадны приведёт нас к Ипполиту? —

возразила Лиза.

— Естественно нет. Просто я надеюсь, что на месте мы скорее разберёмся. Будет от чего плясать, — спокойно ответил Казимир. — Судя по карте, там несколько скальных стенок, в которых могут быть пещеры. Ты же видишь, что холм сложен из доломитов. Они, как известно, легко поддаются эрозии. Возникают карстовые полости. Возможно, довольно протяжённые. Нельзя забывать, что в таких местах встречаются выходы мрамора. Если каковые имеются, вполне объяснимо наличие старинных разработок. То бишь катакомб или выработок.

— Прекрати занудство! Я не школьница. Сама кое-что понимаю. Заметь, что в подобные пещеры или печоры, как говаривали в старину, люди любили прятать свои секреты.

— А ещё и хоронить умерших! — подсказал Казимир.

— Локис, у тебя прямо страсть какая-то всё испортить. Я только настроилась на кладоискательскую волну, а ты о покойниках! — возмутилась Лиза.

Тропинка просто закончилась. Нет, не пропала, не вильнула в сторону, просто вот только что была и вдруг нет. Лиза даже остановилась от изумления.

— Не тормози! — подтолкнул её в спину муж.

— Тропа!

— Ну и что? Здесь камень кругом, а люди ходят редко. Или ты вспомнила Чуфут-Кале? Где каждый день проходят тысячи людей. Тем более вон туда посмотри! Видишь, кустики растут? А перед ними? Правильно! Тропинка. Стоп! А что там в кустах поблёскивает?

Казимир сорвался с места, словно сдавал зачёт на стометровке. Лиза едва поспевала следом. Рюкзак ощутимо бил по спине. Пусть не слишком тяжёлый, но всё же фонарь сполз и чувствительно долбил по пояснице. Ноги, несмотря на удобные кроссовки, скользили на выглаженных временем камнях. Казалось ещё немного и она сорвётся и заскользит вниз. Туда где виднеется кромка обрыва.

Когда она добежала до кустов, Казимир уже склонился возле лежащего на камнях велосипеда.

— Не понятно! — пробормотал Казимир. — Почему он оставил его здесь? Осталось спуститься совсем немного! Там внизу вытекает речка. И тропинка куда ведёт!

Только теперь Лиза заметила, что до обрыва здесь не более трёх метров. В глубокой долине и впрямь виднелась серебристая лента небольшой реки.

— Пошли, обследуем? — спросила она.

— Делать нечего. Спускаемся. Но всё же, не понятно почему, он бросил велосипед здесь. Спуск

не столь уж крут! — стоял на своём Казимир.

— Локис! Ты меня удивляешь! Спуститься не трудно, это ты верно заметил. А наверх его тащить легко? Ипполит уже не мальчик. Лишнюю работу делать не станет!

На то чтобы добраться до истока пришлось затратить более получаса. Спуск то выполаживался, то становился таким крутым, что приходилось цепляться за камни, корни кустарника, даже за пожухлую траву. Казимир нехотя согласился с женой, что и впрямь неразумно тащить двухколёсный аппарат с такой кручи. К истоку реки пробиться удалось не сразу. Заросли колючего кустарника оказались абсолютно непроходимы. Казимир пробовал и так и эдак, но в итоге пришлось спуститься метров на триста вниз по течению и только там удалось пробиться к воде. Благо, речушка оказалась неглубокой и по выступающим камням, удалось подняться до самой пещеры, из которой она и вытекала. Лиза уже порядком устала, но старалась не показывать вида. Пока Казимир осматривал вход в пещеру, отыскивая следы пребывания Ипполита Владимировича, Лиза присела на добела отполированный водой валун. Подтянув шнурки на кроссовках, она следила за действиями мужа, пока что-то не блеснуло в воде.

— Казимир, я что-то нашла! — воскликнула

Лиза и, шагнув вперёд, выловила из воды небольшой серебристый комок.

— Что там у тебя? — спросил он, подходя к жене.

— Вот! Смотри, бросил кто-то. Фольга. Похоже на упаковку от шоколада.

Казимир, не раздумывая, взял из рук Лизы комок фольги, развернул и понюхал. Сомнений не было! Это действительно обёртка от шоколада! Запах ещё сохранился. Выходит Ипполит Владимирович вполне мог быть здесь!

— Значит, ты рус? — спросил рыцарь, когда повинувшись жесту, Станислав опустился на убранный расшитым ковром скамью.

— Мой отец...! — начал было юноша, но рыцарь только поморщился и повелительно поднял руку, останавливая.

— Что твой отец князь, ещё ни о чём не говорит. Я знаю обычаи руссов и прекрасно осведомлён о законах наследования. Да, ты мог бы стать со временем князем, а мог и не стать! Так сложилось, что Господь вручил твою судьбу в мои руки. Не забывая, что пусть и под давлением обстоятельств, но ты согласился принять моё предложение. Не стоит хаять Рахима. Он воин и жизнь его зависит от добычи. Я заплатил за тебя полторы сотни дирхем. Думаю это немалая цена за молодого человека ещё не обученного даже

держат в руках меч.

— Я умею сражаться! — негодуяще воскликнул Станислав.

— Ого! — удивился рыцарь. — Если так же как умеешь кричать, то это достойно уважения. Но, увы, я не верю тебе. Мне уже немало лет, а всего до сих пор не постиг. Впрочем, у нас ещё будет время испытать друг друга.

Мелодично позвякивая тонкой кольчугой, рыцарь пересёк комнату, снял с полки высокий серебряный кубок, наполнил его из солидных размеров кувшина. По комнате потёк дразнящий аромат вина.

— Хорошее вино! Густое! Терпкое! Совсем как на родине! — тихо сказал рыцарь.

— Ты франк? — спросил Станислав.

— Самый настоящий. Слышал о Бургундии? В самом сердце этой страны расположен замок Мале. У нас делают самое лучшее во всей Франции вино. Он поставляется даже на королевский стол! Я часто вспоминаю наши долины, бесконечные виноградники, поля спелой золотистой пшеницы... Впрочем, сейчас не время говорить об этом. Ты мне понравился рус. Я беру тебя в ученики. Как только случится попутный ветер, мы с тобой отплываем на Кипр. Нам предстоит и долгие странствия, и многое деяния. Завтра должны прибыть братья. Тебе нужно подобрать подобающую одежду. Утром брат Иохим

ты встретишься с капелланом, он уже знает о том, что у нас новый сержант. Ступай, отдыхай.

— Я могу спросить? — остановился у двери Станислав.

— Можешь, — сказал рыцарь, не оборачиваясь. Голос мужчины почему-то прозвучал глухо, словно он что-то пытался подавить в себе.

— Я когда-нибудь вернусь домой?

— Неисповедимы пути Господа нашего. Даже я не знаю, вернёмся ли мы из этого похода.

— Куда мы идём? — спросил Станислав.

— Король Эдвард Английский возглавил новый поход, за освобождение Гроба Господнего. Мы, рыцари Храма, присоединились к нему. Сбор назначен в Константинополе. Туда-то мы и отправимся.

— Что я должен делать? — наконец спросил Станислав.

— Я же сказал тебе! Ты мой ученик! Пока оруженосец, а дальше ... дальше посмотрим. Всё! Ступай. Ты уже знаешь, где спят братья?

— Нет.

— Внизу, рядом с кухней найдёшь себе комнату. Там пока пусто. Я уже говорил, братья должны прибыть только завтра, как что у тебя есть право выбора.

Утро началось с шума и грохота. Станислав подскочил и выглянул в узкое расположенное едва

ли не под потолком окошко. Возле двери топтались около дюжины крестоносцев. Вся улица была буквально запружена лошадьми, осёдланными, навьюченными, усталыми и потными. Среди рыцарей суетился невысокий плотный человек тоже в белом плаще, но из-под него выглядывала коричневая ряса. Юноша уже догадался — это и есть тот самый капеллан, с которым он должен был встретиться. Солнце ещё едва перевалило через высокие стены крепости. Но Станислав понимал, что для этого дома, куда его забросила судьба, это время уже позднее. Прибытие рыцарей подстегнуло интерес Станислава. В родном городе он не раз встречал их, но это было нечасто и, как правило, отец подолгу беседовал с ними один на один. Тут же их было много! Быстро одевшись, он выбежал из комнаты и почти столкнулся с хозяином дома.

— Долго спишь, Иохим! Ты до сих пор не переделся? Плохо! Теперь придётся ожидать, пока капеллан устроит вновь прибывших.

— Прости рыцарь, я до сих пор не знаю твоего имени! — осмелел Станислав.

— Обращайся ко мне — брат Жак. Так будет правильно. Идём со мной. Я тебя представлю братьям.

В главном зале царил полумрак. Железные статуи, по-прежнему, неподвижно стояли в нишах стен. Теперь Станислав понял, что это вовсе не

люди. Просто дома доспехи хранились в скарбнице, а здесь буквально были выставлены напоказ. Юноша отлично знал чего стоят такие кованые латы.

Брат Жак двигался быстро, можно сказать стремительно. Так же как и вчера под белым плащом негромко позвякивала кольчуга. Похоже, рыцарь с ней не расставался никогда. Только позже Станислав узнал, почему брат Жак никогда не расставался с кольчугой и длинной мизерикордией, особым кинжалом, узким острым, единственное предназначение которого, дарить лёгкую смерть поверженному врагу. Сейчас же было не до расспросов.

Тяжёлая дверь легко распахнулась от толчка могучей руки рыцаря. Яркий утренний свет больно ударил по глазам. Спешившиеся рыцари сгрудились у невысокого крыльца. Завидев хозяина, они стали полукругом, а капеллан шагнул вперёд.

— Брат Жак, отряд барона Реженье прибыл!

— Вижу! Приветствую тебя, брат Реженье! — радостно воскликнул Жак и, шагнув с крыльца, обнял седовласого воина. Тела в белых плащах столкнулись с таким грохотом, что можно было подумать, ударились железные башни. — Вы успели как раз вовремя! Вот-вот подуют попутные северные ветра и мы сможем отправиться в путь. Будем дожидаться короля.

— Дорогой брат Жак, мои люди готовы отправиться прямо сейчас. Но, насколько мне известно, король Эдвард немного запаздывает. Впрочем, это никак не должно отразиться на результате похода. Армия огромна. Собраны лучшие силы. Мы сокрушим неверных! — бодро воскликнул брат Реженье.

— Я бы поостерёгся от таких заявлений! — остановил его брат Жак.

— Если с нами Господь — то кто против нас? — ответил заученной фразой брат Реженье.

В ответ брат Жак только слегка поморщился.

— Заводите лошадей во двор. Капеллан позаботится о братьях. Кстати! Представляю вам моего оруженосца и ученика! Он молод и неопытен, так что рассчитываю на ваше участие и поддержку. Знакомьтесь — брат Иохим! — с этими словами Жак подтолкнул вперёд Станислава.

Тоннель уходил круто вправо, но буквально через тридцать сорок шагов вильнул влево и дневной свет затух за поворотом. Негромко журчала под ногами река. Свет фонарей отблескивал на отполированных полой водой стенах. Казимир пока не закреплял верёвку и уверенно двигался вперёд, словно не сомневался в абсолютной безопасности. Лиза шла след в след за мужем, стараясь подсвечивать и ему, и себе дорогу. Луч фонаря выхватывал из темноты омытые

быстрой водой округлые валуны и чёрные, глубокие на вид ямы в подземном русле.

— Вот проклятье! — вдруг воскликнул Казимир.

В свете фонаря из мрака возникла сплошная стена из камня. Вода сочилась меж обрушившихся с потолка пещеры глыб, но большая её масса стекала поверх образовавшейся плотины.

— Лиза, посвети мне! — попросил Казимир.

— Что ты задумал? — настороженно спросила Лиза.

— Посмотрю, можно ли пролезть.

— Локис, не делай глупостей! Там подземное озеро! — стояла на своём Лиза.

— Я только посмотрю. Мы не знаем пока ничего. Вдруг неугомонный Ипполит туда забрался! — упирался Казимир.

Понимая, что мужа уже не остановить, Лиза только попросила:

— Хорошо, я буду здесь и только посвечу тебе.

— Вот и ладненько! — как можно бодрее сказал Казимир и пополз вверх.

— Стой! Страховку! — остановила Лиза мужа.

— Ладно, — ворчливо произнёс он, но всё же закрепил на обвязке верёвку и сбросил связку вниз. — Держи!

Лиза видела, как ботинки мужа скользили на мокром доломите. Как осторожно и чутко он поднимался всё выше и выше. Холодная вода омывала его руки, впитывалась в потёртые джинсы, а он полз и полз, казалось, не будет конца этому подъёму. Сорвавшийся камень, со стуком покатился к ногам Лизы. Казимир, не слыша его падения, уже почти достиг самого края завала и пытался проснуться в узкую щель между завалом и опасно нависающим потолком пещеры. Ещё несколько камней дрогнули и покатались вниз. Лиза нервно переступила с ноги на ногу, и тут ей показалось, что сквозь плотину воды стало просачиваться больше. Она на мгновение отвела глаза от мужа и страх парализовал женщину. Уже не отдельные струйки, а мощный поток пробивался сквозь завал.

— Локис, назад! — срывая голос, закричала Лиза.

Но он не отозвался, упорно пытаясь пролезть с тесное отверстие. Вода стремительно поднималась. Лиза вынужденно отступила к стене. В потоке уже, словно в кипящем бульоне, крутились камни размером с кулак. Мощь реки усиливалась с каждой минутой. Не в силах докричаться до мужа Лиза начала изо всех сил дёргать страховочную верёвку. Громыкнуло так, что заложило уши. Камни сорвались с места и

смешанные с жидкой размокшей глиной понеслись по тоннелю. Фонарь выбило из рук. Лизу потоком отбросило к стене и вжало каменную расщелину. До предела натянув страховочный конец, она пыталась ногами нащупать ускользящее дно. Фонарь беспомощно болтался на ремне, выхватывая из темноты отдельные фрагменты катастрофы. Женщина потеряла счёт времени, ей казалось, что прошла целая вечность, прежде чем из ревущей бездны сверкнул свет. В том, что это фонарь Казимира, она не сомневалась. Верёвка начала подёргиваться в руках. Ещё несколько томительных мгновений и рядом появился муж.

— Цела? — крикнул он, пытаясь перекричать шум потока.

— Как ты? — спросила Лиза.

— Нормально! Промок немного!

— Как выбираться будем? — поинтересовалась Лиза.

— По бережку. Переждать не удастся. Там большое озеро. Было, по крайней мере. Замерла?

— Нет, кажется.

— Тогда пошли. Нам всего-то нужно пройти метров сто пятьдесят.

Чтобы их преодолеть пришлось несколько раз окунаться с головой в холодную мутную воду. Но вскоре впереди забрезжил свет. Возможно, именно он и сыграл с Казимиром злую шутку. Он

оступился, и поток просто смыл его. Вёрёвка натянулась и потянула за собой Лизу. Как ни пыталась она удержаться на скользких камнях. Вода в один миг накрыла её с головой и потащила, безжалостно ударяя о выступы стен и камни на дне реки. Единственным плюсом оказалось то, что из пещеры они выбрались достаточно быстро. Казимир довольно успешно выбрался на левый берег потока и помог выйти из воды жене. Только теперь Лиза почувствовала жуткий холод. От пережитого, от ледяной воды, её начало трясти так, что зуб на зуб не попадал. Казимир обнял жену, прижал к себе, но уже понимал, просто так отогреть её не удастся. Вот только на беду развести огонь то же не получится. Зажигалка промокла и не работает. Единственное что можно сделать, это просто растереть. Не обращая внимания некоторое сопротивление, он начал раздевать жену. Избавить её от джинсов удалось достаточно легко, лёгкая ветровка отлетела в сторону, зато майка просто прилипла к телу и стащить её оказалось непросто. Тут-то он и увидел синяки, ссадины, несколько слабо кровоточащих царапин. Острое чувство жалости заставило до боли закусить губу. Когда вот так же он впервые пытался что-то сделать в Зоне. Как-то помочь, облегчить боль и страдания. Он горячо целовал обнажённое тело жены, забыв и первоначальном намерении, просто растереть,

просто попробовать отогреть.

Рыцарь Жак, как-то незаметно стал для Иохима не просто другом и наставником, со временем воин храма стал и духовным отцом. Они были неразлучны. Русич и франк. Уже давно Иохим сменил коричневый плащ оруженосца на белый с вышитым шёлком алым крестом и обращаться к нему стали не иначе как шевалье. Но сейчас белая рубаха, да головной плат составляли весь его наряд. Избытые в кровь ноги уже который час топтали невесомую белёсую пыль. Далёкие горы синели на фоне выгоревшего добела неба. Нещадное солнце иссушило землю, сожгла дотла каждую травинку, каждое деревце. Ни одной зверушки не встречалось на долгом пути. Всё живое попряталось от нестерпимого зноя. Только одинокий странник устало, шаг за шагом, брёл через бескрайнюю пустыню. Осталось всего ничего. Это последнее испытание. Брату Иохиму пришлось нелегко. Последние полгода он только и делал, что постигал мастерство ассасина, особого воина убийцы. Друзья Жака приложили немало усилий, чтобы русич стал учеником в тайной школе. Но фортуна на сей раз повернулась лицом к рыцарям, что бывало последние годы нечасто.

Иохим уже хорошо знал историю ордена. Всё большее давление исламского мира постепенно вытесняет крестоносцев с Иерусалимского

королевства. Причём ордену приходится отступать даже не столько, от всё расширяющегося мусульманского владычества, сколько от вынужденных уступок Риму. Конфликт возник давно и разгорается постепенно, но уверенно. Никто не может сказать, что Рим потерял доверие к ордену, наоборот всё больше привилегий, всю шире влияние, но, в тоже время, ордену явно завидуют. Его влиянию, богатству, возможностям. Никто в христианском мире не мог так легко и уверенно общаться с султанами и имамами. Казалось, что может быть общего между яростными мусульманами и смиренными христианами? Но вот на поверку единства оказалось много больше чем противоречий. С года шло некое взаимопроникновение, в итоге приведшее к своеобразному симбиозу. Именно с подачи имама Рашида сто лет назад орден начал не просто накапливать богатства, но и управлять ими. Сарацинская система доверия и помощи, малоизвестная в христианском мире, стала не просто основой управления денежными потоками и основополагающей базой создания невидимой финансовой империи.

Что-то вроде тучки набежало на неистовое светило. По крайней мере, так показалось Иохиму. Долгие месяцы тяжких тренировок сделали своё дело. Иохим ушёл вправо в кувырок. Вовремя! На

том месте, где молодой рыцарь был мгновение назад, с треском сломалась удивительно длинная стрела. Несколько раз перекатившись по раскалённому песку, Иохим укрылся за серовато-бурым камнем и затих, пытаясь сообразить, откуда прилетела больше похожая на дротик стрела. Чуть слышный свист донёлся спустя миг и рыцарь в длинном прыжке, словно выпущенный из катапульты, вылетел из-за камня и, сделав сальто, мягко по-кошачьи опустился на пыльную тропу.

Теперь он заметил и далёкую баллисту, и суесящихся возле неё людей в белых бурнусах. Невзирая на грустные мысли, на погружённость в себя, Иохим был абсолютно уверен, что там несколько мгновений назад был обычный бархан. Выходит, кто-то ожидал его именно здесь, в пустыне. И люди, решившие от него избавиться, верно рассчитали и потерю внимания в конце пути и усталость и невозможность где-либо укрыться. Вот только выбор оружия показался рыцарю, по меньшей мере, странным. Баллиста не самое скорострельное оружие, хоть и дальнобойное. Это из лука можно выпускать стрелу за стрелой. Здесь же приходится покрутить ворот, чтобы натянуть и без того тугую тетиву.

Спасение только одно — перемещаться. Иохим быстро побежал зигзагами с каждым

поворотом, всё более удаляясь от злополучной баллисты. Стрелявшие даже не попытались его преследовать. Только беспомощно смотрели, как потенциальная жертва безнаказанно уходит всё дальше и дальше.

Иохим не задумывался над тем, кто и с какой целью решил его устранить. Обиженных уже накопилось достаточно. Лишь только то, что этот таинственный кто-то точно знал и маршрут передвижения и время когда молодой рыцарь окажется именно в этом месте, наводило на размышления. Ассасины не обсуждали открыто свои действия. Выходило, что человек, направивший сюда убийц, принадлежал к избранным. Значит, круг достаточно узок. Выяснить кто это можно только одним способом. Захватить исполнителей. Ждать ночи Иохим не хотел. Убедившись в том, что его уже никто не может увидеть, он изменил направление и стал по широкой дуге возвращаться к месту нападения.

Не обращая внимания на палящее солнце, на расклеенный песок, он, скрываясь за невысокими барханами, упорно приближался к месту расположения баллисты. Иохим вовсе не рассчитывал, что его станут дожидаться. Потому и не удивился когда наткнулся на место, где были спрятаны лошади. Всё правильно. Вот немного зёрен просыпавшихся их мешка. Вот неясные на

песке следы. А здесь волочили что-то тяжёлое и длинное. Не иначе как направляющую баллисты. Теперь прятаться не имело смысла. Напавшие на него люди спешили сообщить своему хозяину о невыполненном задании и наверняка не думали и собственной безопасности.

Рассчитать направление, в котором они направились, не составило большого труда. Кто сказал, что верхом будет быстрее? Русичей с детства обучали бегу. Да не просто, а в доспехе, с мешком набитым камнями за спиной. Да, лошадь может скакать быстро, да вот только недолго, а с тяжкой поклажей и вовсе совсем мало. Да и не пойдут галопом всадники по раскалённой пустыне. Не на верблюдах же они! Те в несколько раз выносливее и то животные могут запалиться. Лошади нужна вода. Много воды. Человек же, особенно если он хорошо тренирован, может обходиться малым.

Иохим бежал легко, сберегая силы, не отвлекаясь на пустыки, вроде избитых ног, палящего солнца и жажды. Раз уж свела его судьба с неожиданностью, то следует разобраться до конца, а что касается последнего испытания, то время ещё есть в запасе. Кто сказал, что эта попытка не часть экзамена на звание ассасина?

То вечера ещё далеко. С ним придёт долгожданная прохлада и ветер. Ветер всегда

начинается на закате и дует всю ночь. Вроде и не сильный он успевает так переместить барханы, что утром невозможно узнать то место где ты остановился на ночлег. Но для бывалого странника это не самое страшное. Хуже если ты потерял направление, тогда плутать среди белых песков можно до самой смерти, а уж она не заставит себя ждать. Сегодня, правда, немного проще. На горизонте по-прежнему виднеется синеватая полоска далёких гор. А цепочка следов тянется именно к ним, постепенно забирая влево.

Иохим постоянно поглядывал на размытой плохо читаемые на сухом песке отпечатки копыт. Он уже знал, что всадников только трое, ещё три лошади несут на себе поклажу. Больше заводных нет. Это говорило лишь об одном, где-то поблизости не далее чем одно лошадином переходе есть и вода и корм для усталых коней и возможно люди.

Взбежав на очередной бархан, Иохим увидел верстах в трёх вяло плетущихся лошадей. Всё верно, трое всадников в белых бурнусах и покрытые светлыми попонами усталые лошади. Первым желанием было ускорить шаг, но взглянув на солнце, он остановил себя. Нельзя! Если не побережь силы, поддаться чувствам, зной убьёт его вернее, чем нож или стрела. Поправив повязку на лице, молодой рыцарь пустился бежать дальше.

Ровно, казалось неторопливо, экономя силы для решающей схватки.

— Который час? — спросила посиневшими непослушными губами Лиза.

— Половина одиннадцатого! — ответил Казимир, не прекращая растирать жену.

— Мы чудом спаслись! Ты разве не понял, что рискуешь?

— Лиза, я был уверен, что Ипполит прошёл именно там. Понимаешь, я успел заметить фонарь в воде! Ладно, на сей раз обошлось. Вот только одно непонятно. Я насколько помню, он не особо мелкий мужчина. Не мог он пролезть в ту щель. Едва я начал её расширять, как началось разрушение запруды. Это может говорить только об одном. Там до меня ещё никто не пытался пролезть.

— Выходит, мы не там ищем? — спросила Лиза.

— Похоже на то, — согласился Казимир. — Жаль переодеть тебя не во что. Вся одежда мокрая.

— Ерунда, высохнет. Давай выбираться отсюда.

— Легко сказать! Речушка поднялась. Вброд не перейти. А моста как видишь, в округе нет.

— Сколько же там воды накопилось? — удивлённо воскликнула Лиза.

— Даже предположить не возьмусь. Настоящее подземное озеро. Единственный

вариант, пройти по стене. Верёвки и крючья у нас есть, страховку организуем. Искать нужно где-то наверху. Там где Ипполит оставил велосипед.

До каменистого обрыва добрались относительно легко. Заросли колючего кустарника по большей части удавалось обходить, хотя и не всегда. Местами Казимиру приходилось буквально проламываться сквозь него. Стена серого доломита возникла как-то сразу. Омытый дождями камень, вылизанный до блеска ветрами, казался неприступным. О том чтобы подняться без серьёзной подготовки не могло идти и речи. Пришлось искать удобную расщелину. Забирая всё больше к югу, Казимир и Лиза шли вдоль непрерывной, серой, бугристой скалы. Ноги скользили по осыпи. Постоянно приходилось цепляться руками за обрушившиеся глыбы, чтобы хоть как-то удерживать равновесие. Заросли давно остались далеко внизу. Обрыв хоть и не выглядел особенно высоким, но вскарабкаться наверх, тем не менее, не представлялось возможным. Сентябрьское солнце припекло совсем по-летнему и одежда давно просохла. Теперь Лиза всё чаще думала о глотке воды.

— Локис, может, устроим небольшой привал? — наконец предложила она.

— Ещё немного пройдем. Там, кажется, есть относительно ровная площадка. — Казимир махнул

рукой куда-то вперёд и вверх. Его голос уже не был бодрым и весёлым.

Лиза, спотыкаясь на каждом шагу, уныло побрела вслед за мужем. Какую ещё площадку мог увидеть Казимир, она даже не пыталась разглядеть. Тут главное ноги не переломать. Отполированные временем камни, были скользкими как лёд. Ни одна травинка, ни один кустик не смогли зацепиться за них. Она не раз бывала в горах и отлично знала, что растения, пусть и небольшие, растут практически везде, а тут ни дать ни взять лунный пейзаж. Она уже собиралась спросить мужа, что он думает по этому поводу, как внезапно уткнулась лицом в его спину.

— Что случилось? — невольно воскликнула она и замерла рядом с мужем.

За поворотом, вместо ожидаемой площадки открылась довольно широкая балка, плавно поднимающаяся вверх. Заросли акации, столь неожиданные после голого неприветливого камня, обрамляли склоны, становясь всё выше и пышнее по мере приближения к вершине. Но самым странным оказалось даже не это. Там на самом верху, на пологом куполе высился полуразрушенный храм. Устремлённая в безоблачное небо звонница. Давно лишённая купола, она будто царапала синеву краснокирпичными зубцами. Узкие, непомерно

высокие провалы окон. Фасад базилики словно разбит ими на строгую, математически выверенную колоннаду. Провалившаяся крыша не давала целостного представления, но суда по щипцам по обе стороны от звонницы можно было предположить влияние романской архитектурной традиции. Да и сам вход в храм представлял собой скорее браму, чем привычную дверь. На расстоянии полусотни метров от руин, разорванным полукольцом виднелись огромные пни.

— Ничего не напоминает? — почему-то шёпотом спросил Казимир.

— Несомненно, рисунок из старого альбома! — в тон ему ответила Лиза, почему-то не решаясь сделать первый шаг к развалинам храма.

— То-то и оно! Барабашка нас, оказывается, предупреждал именно об этом!

— Ну вот! А ты в него не верил! — прошептала Лиза и зябко повела плечами. — Интересно, а где мы находимся?

— Как ни странно, но всё ещё неподалёку от городка. Мы всё время шли по дуге. Так что до дома твоей бабушки километром семь — восемь. Слушай, а не об этой ли церкви она писала нам? Мы с тобой, правда, не обследовали все окрестности, но не думаю, что здесь такое великое множество заброшенных храмов.

— Место уж больно странное. Тут скорее

капищу полагается находиться, чем христианской святыне! — заметила Лиза.

— Ничего удивительного! Так частенько в старину и стоили. Повергая чужих богов, ты насаждаешь своих! Этого никто не отменял. Знаешь, а ведь строение скорее относится веку так к четырнадцатому — пятнадцатому, если судить по кладке. Смотри. Дикий камень вперемежку с красным кирпичом! Ничего не напоминает?

— Средневековье. Южная Франция. Но если судить по этому, то вспомни! У нас так строили значительно позднее, вплоть до восемнадцатого века!

— Идём, посмотрим повнимательнее. Что-то подсказывает мне, что строили изначально не совсем храм. Меня не оставляет ощущение, что изначально здесь закладывался замок. Не удивлюсь, если мы обнаружим остатки оборонительного рва, — негромко сказал Казимир и, взяв жену за руку, начал подниматься к храму.

Лошади даже не успели встрепенуться, когда песок взметнулся фонтаном и из него, словно сказочный джин, вылетел Иохим. Оказавшись позади последнего всадника, он заученным движением сломал тому шею и, выхватив у поверженного из-за пояса длинный кривой кинжал, перепрыгнул на соседнюю лошадь. Второй оказался пошустрее. Успел пригнуться. Уйти от

смертоносного удара. Клинок со свистом рассёк воздух, там, где миг назад ещё была почерневшая от солнца незащищённая шея. Уйдя в кувырок, Иохом как кошка застыл на миг на четвереньках и тут же метнулся прямо под копыта лошади первого всадника. И очень вовремя. Кривая сабля, описав широкую дугу, пропела зловещую песню над его головой. Кинжал будто сам собой вонзился в бедро врага. Белый бурнус обагрился горячей кровью. Перекатившись по горячему песку, Иохим успел вскинуть клинок и сабля второго со звоном высекла невидимые в свете дня колючие искры из твёрдого булата. Мысленно похвалив неизвестного мастера, рыцарь скользнул прямо на врага и в пируэте поразил его грудь. Кинжал, пробив грудь, намертво застрял в позвоночнике. Времени на то, чтобы вырвать его из тела не оставалось. Оставшийся в живых противник не растерялся. Горланно вскрикнув, взметнул над головой сверкающую саблю, бросился на безоружного рыцаря. Рискуя быть затоптанным вздыбившимся жеребцом, Иохим проскочил под бешено молотящими воздух копытами и оказался на какое-то время вне непосредственной опасности. Тех секунд, что потребовались раненному врагу, чтобы обогнуть беснующегося жеребца вполне хватило на то чтобы подготовиться к поединку. Что с того, что при Иохиме не было оружия?! Ассасины учатся убивать

быстро и бесшумно голыми руками. Если нужно оружие, то оно всегда найдётся, либо и противника, либо прямо под ногами. Так случилось и на этот раз. Грех не использовать такое преимущество как собственные физические данные. Русич как минимум на голову выше противников. И хотя солнце и долгие тренировки вытопили из его тела не только весь жир, но и добрую толику мяса, от этого молодой рыцарь только выиграл. Стал легче, суше, подвижнее.

Жменя песка в лицо врага.левой рукой схватить лошадь под уздцы. Рывком пригнуть к песку. Мощный толчок обеими ногами и вот уже пальцы крепко сжали горло противника. Лошадь, прижатая к земле двойной тяжестью, пыталась встать с колен, а Иохим всё ещё сжимал горло врага. Тот хрипел, извивался. Выронив саблю, пытался оторвать от глотки, твёрдые словно камень пальцы, а русич, тем временем, уже размотав чалму противника, сделал петлю и ловко приладив её на шею врага, одним движением стянул и руки, и горло сопротивляющегося главаря. В том, что именно этот человек главарь шайки, Иохим понял сразу, как только заметил маленький караван. Теперь пришло время задушевной беседы. Как правильно разговаривать с человеком, не желающим говорить правду, парень умел. Понадобилось совсем немного времени, чтобы узнать, кто послал убийц и это не

добавило оптимизма Иохиму. Придётся всё сообщить брату Жаку, а он на Кипре. В то же время он не имел права оставить обучение самостоятельно.

Собрав лошадей, русич вернулся на тропу, по которой шёл до происшествия. Упущенное время требовалось наверстать, а бросать лошадей, было попросту жаль. Солнце понемногу клонилось к закату. Иохим с некоторым сожалением пришёл к выводу, что придётся двигаться всю ночь, чтобы к рассвету добраться до нужного места. Конечно, верхом на лошади это сделать намного легче, но зато с таким же успехом можно и сбиться с пути. Люди пришедшие убить его остались в песках. Что ж, таков удел любого воина. Либо ты, либо тебя. Всегда найдётся кто-то более ловкий, более умелый. Потому и не поленились притащить с собой баллисту. С одной единственной целью — не встречаться на близкой дистанции. Знали, что даже невооружённый, он представляет смертельную опасность для всех троих. Потому и попытались убить издалека. Как рыцарь, Иохим привык сражаться лицом к лицу, но здесь в сирийских пустынях царят иные законы. Допустимо и вонзить кинжал в спину, налить в бокал яд, выпустить стрелу издалека. Не их вина, что так позволяют местные законы. Иная страна, иные правила. Впрочем для того его сюда и отправил командор.

Научиться всему, что умеют местные люди. Кто знает, что пригодится ордену. Даже став шевалье Иохим не слишком сблизился с другими братьями. И вовсе не по причине некой заносчивости или необщительности. Просто командор почти не отпускал его от себя. Давал особые поручения, связанные с необходимостью хранить важные тайны. Перед отправкой его к сарацинам, командор рассказал Иохиму под строжайшим секретом одну загадочную историю. Продолжение её сообщил Хаджи Махомад. Благодаря ему русич стал хранителем такого секрета, что самому становилось страшно. Из неясных намёков и командора, и Хаджи становилось ясно, что именно ему, никому неизвестному шевалье Иохиму Руссо. Под таким именем его вписали в регистры ордена. Но это ещё не всё. Третий ключ, как сами называли его хранители, должен дать ещё один человек. Имя его пока неизвестно, но встреча с ним должна будет состояться сразу после последнего испытания. Сейчас, когда усталое солнце медленно пряталось за далёкий бархан, мысли русича невольно крутились вокруг тайны, в которую он оказался посвящён. Тем более что человек приказавший убить его мог и почти наверняка знал, о том, что именно он стал хранителем.

Всё же место оказалось весьма необычным. Как ни близок казался храм, как ни полог подъём,

идти пришлось долго. Измученная утомительной ходьбой по шатким, стремящимся постоянно убежать из-под ног камням, Лиза всё чаще спотыкалась, если бы не поддержка мужа, то наверняка уже лежать бы ей с вывихнутой лодыжкой. Опираясь на твёрдую мужскую руку, она старалась, как могла идти ровно, но от усталости шатало немилосердно. Оставалось только удивляться, откуда берутся силы у Казимира. И впрямь настоящий Локис, который черпает силу от дикой природы. В том, что округа, в самом деле, дикая, безлюдная сомнений не было. Ни тебе привычных бумажек, пластиковых бутылок и прочих следов «цивилизации».

Лизу не оставляло ощущение, что Казимир что-то чувствует. Он двигался настороженно, внимательно и цепко оглядывая всё вокруг, даже рука, которой он поддерживал жену, была напряжена словно перед схваткой. Она не решилась что-либо спрашивать сейчас. Явно не время и не место. Вот вернутся в дом бабушки, сам расскажет, что посчитает нужным, а пока лучше не мешать. Ещё во время перехода через Зону Казимир поразил её невероятной силой предчувствия опасности. Казалось, его кто-то оберегает, даже когда лезет прямо в пекло, всегда самое безопасное место рядом с ним.

Храм, пусть и полуразрушенный, такой

невзрачный издали, по мере приближения становился всё больше и величественнее. Звонница возносилась в поблекшее осеннее небо не меньше чем метров на тридцать, если не больше. Стены, более полутора метров в толщину, совсем не ушли в каменистую почву и оттого смотрелись не просто значительно. Циклопическими! Иного слова просто не подберёшь. Камни, причём отнюдь не доломит, а гранит, притащенный неизвестно откуда, которыми перемежалась кирпичная кладка, оказались чудовищными! Высотой в полтора — два, а то и два с половиной метра! Какая неведомая сила вознесла их на невероятную высоту в пятнадцать — двадцать метров? Ведь во время строительства, по мнению Лизы, не существовало ни подъёмных кранов, ни других машин, кроме человеческих рук. Сама базилика, необычной круглой формы, напоминающая скорее давно стёртый с лица земли Храм Соломона, нежели привычную церковь. Брама, сложенная из темно-красного кирпича, выдавалась, как выяснилось, почти на два метра перед фасадом создавая тем самым темный туннель-вход, в конце которого ещё виднелись полуистлевшие остатки врат. Огромные дубовые плахи, потемневшие от времени стянутые коваными железными полосами бурями от вековой ржавчины. Обломки кирпича устилали землю вокруг храма. Древние акации, срубленные лет

десять, если не больше назад, кольцом окружали просторную куполообразную поляну, на которой и возвышался храм. Следы вырубки уже почти стёрлись временем, теперь уже не угадать, куда и на чём вывезли срубленные стволы деревьев. Теперь только гигантские пни свидетельствовали, что в обозримом прошлом здесь бывали люди. Что, по меньшей мере, странно, учитывая близость городка.

Казимир остановился у входа. Удивительно, но из темноты не тянуло сыростью и тленом, как обычно бывает в заброшенных зданиях.

— Подожди меня здесь! — голосом не допускающим возражений, сказал Казимир и мягко, по-кошачьи скользнул в тёмный провал брамы. Просочившись в неширокую щель между створками приоткрытых врат, он мелькнул в полосе света падающего сквозь разрушенную крышу и исчез. Ни единого звука не доносилось изнутри. Словно не человек бродил по старинным руинам, а бесплотный дух. Лиза терпеливо ждала. Прошло пятнадцать минут. Двадцать. Тридцать. Женщина уже начала всерьёз волноваться, когда в проёме появился Казимир.

— Идём. Кое-что покажу! — сказал он, отряхивая с себя пыль.

Под сводами если можно так сказать, потому, что собственно свода не было, только

светло-голубое выгоревшее за лето небо вместо расписного купола, оказалось достаточно светло. Только резкие глубокие тени прорезали непроницаемой чернотой, казавшееся бесконечным пространство храма. Контрастное чередование света и тени придавало заброшенному помещению ещё больше трагизма и загадочности. Малейшее движение вызывало колебание невесомой пыли и световой рисунок тут же изменялся, в полосах света чудились неведомые звери, скачущие лошади, несущие всадников в белых плащах, загадочные невиданные растения, диковинные драконы...

— Не стой там. Сюда иди! — позвал Казимир, остановившись возле какой-то ямы.

Только теперь Лиза обратила внимание, что пол завален камнями, обломками кирпича и прочим мусором. Обвалившаяся со стен штукатурка целыми плитами устилала каменное крошево возле стен. Её остатки кое-где сохранились на кирпичной кладке и там даже местами угадывались какие-то изображения.

— Что ты там нашёл? — спросила она, не двигаясь с места.

— Не мы первые очутились здесь. По-видимому, Ипполит именно тут решил проводить свои раскопки. Глянь, вход в подвалы почти расчищен. Осталось совсем немного и откроется дверь.